

СТЕФАН ЛИ

К-РОР

ЗА КУЛИСАМИ МЕЧТЫ

Young Adult. Бестселлеры романтической прозы

Стефан Ли

К-рор: за кулисами мечты

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ли С.

К-рор: за кулисами мечты / С. Ли — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Бестселлеры романтической прозы)

ISBN 978-5-04-110690-4

Правила трейни К-рор: 1. Не нарушать диету. 2. Продолжать тренировки. 3. Не привлекать к себе внимание. 4. Не делать селфи, не вести аккаунты в социальных сетях. 5. Не стричься, не менять цвет волос. 6. Не делать татуировки и пирсинг. 7. Первый месяц запрещено покидать тренировочный кампус. Жизнь, которую Кэндис Пак представляла тяжелой, оказалась едва выносимой. Девушка с детства играла на альте, но мечтала петь на сцене. Друзья уговорили ее пройти прослушивание в одном из самых крупных музыкальных агентств Южной Кореи – SAY Entertainment и попробовать дебютировать в новой женской группе. Сможет ли Кэндис вынести изнурительные репетиции и тренировки, справиться с предательством и достичь заветной мечты? Ведь в битве за место в группе она рискует оказаться в эпицентре скандала, разжигающего К-рор-фандом по всему миру.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110690-4

© Ли С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Часть II	34
Глава 1	34
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стефан Ли

К-рор: за кулисами мечты

Пролог

Девушка в отражении

Страшно представить, сколько часов я провела, уставившись в зеркало репетиционного зала. Вся взмокшая от пота, уверенная, что ноги вот-вот откажут или вовсе отвалятся. Я пыталась попасть в такт, одновременно взмахнув волосами и лучезарно улыбнувшись, пока тренер по танцам – Генеральша – кричала на меня: ведь я отстала от ритма.

Сейчас же, забившись в зал с еще двадцатью четырьмя девочками-трейни, которые были куда опытнее, я вижу себя будто сквозь Snapchat-фильтр. Серебристо-фиолетовые волосы кажутся натуральными, а взгляд голубых глаз гипнотизирует. У этой красотки идеальная кожа, буквально излучающая сияние. Ее волосы не портятся от бесконечного обесцвечивания, глаза не болят от линз, а под всеми слоями «натурального» макияжа нет и следа недосыпа.

Я и эта девчонка – одно целое, но с небольшим уточнением. Я все еще Кэндис родом из Нью-Джерси. Красавица в отражении забыла о боли, синяках, кровотокающих мозолях, жестких диетах и тоске по дому. Ей плевать на бесконечную критику и нападки: ведь у нее есть цель. Она оставила друзей и семью, прилетела в Сеул и обошла сотни конкуренток, впечатлив директоров, которые годятся ей в отцы.

Вот уже три месяца, как я не держала в руках телефон. Я преодолела многое. За закрытой дверью СЕО агентства SAY другие члены совета директоров утверждают финальный состав новой группы, женской версии самого популярного К-рор-бойзбенда SLK. Никто из нас даже не догадывается, станет ли частью коллектива. Ходят слухи, что гендиректор планирует создать шоу на выживание, в конце которого устроят онлайн-голосование, оставив последнее слово за зрителями и наплевав на наши труды.

Все держится в тайне – ход вполне оправдан, это создает нужный ажиотаж вокруг группы. Я наблюдаю за девочками: кто-то молится, кто-то наматывает круги по залу, кто-то плачет.

Странно, но я совершенно не переживаю. Сделав шаг вперед, вновь бросаю взгляд в зеркало. Мысль о желании попасть в состав ударяет, словно молния. Я заслужила. И многое принесла в жертву ради мечты.

Я достойна этого.

Всем сердцем верю, что вот-вот стану К-рор-айдолом. Кого бы они ни выбрали, мы окажемся на вершине. Покорим не только Корею, Азию, но и весь земной шар. Это моя судьба.

Часть I

Кэндис Пак из Форт-Ли, Нью-Джерси

Глава 1

Ты тот самый единорог?

Четырьмя месяцами ранее...

Один из моих главных талантов – имитация игры на альте. Это все равно что открывать рот под фанеру, за исключением того, что на телевидении никогда не появится шоу, посвященное моему навыку, вроде «Битвы фонограмм».

Симфонический оркестр Форт-Ли открывает Весенний Фестиваль Искусств зажигательным исполнением «Весны» Антонио Вивальди (идеально подходит тематике, верно?). Смычок пролетает в миллиметре от струн, пока раскачиваюсь из стороны в сторону и изображаю сильные эмоции, словно музыка проходит через все мое тело – на деле же не произвожу ни звука. Для всех будет лучше, если я не притронусь к струнам. Как бы ни практиковалась, исполнение лучше не становится. Будто что-то во мне противится этому.

Будь у меня выбор, я бы враз избавилась от инструмента.

Отдать меня в музыкальную школу в пять лет было маминим решением. Мало кто из детей выбирает альт, вот она и решила, что так я буду выделяться и с легкостью попаду в юношеский оркестр – прекрасное достижение для портфолио в колледж.

Но ее труды оказались напрасными. Десять лет спустя я сижу в дальнем углу, по соседству со столь же бесталанным партнером, Крисом де Бенедетти. Будем честны: никому нет дела до альты, пусть без него и не обойтись. Вся слава и деньги достаются скрипачам. У виолончелистов, таинственных и задумчивых, больше всего подписчиков в Instagram. Альты же сродни Мишель Уильямс из Destiny's Child... только мы не столь известны и не дружим с Бейонсе.

На поклоне я замечаю родителей. Папа восторженно хлопает, пока мама, фотографируя меня в уродливой форме, блузке с рюшами и зеленой юбке ниже колена, щелкает вспышкой. Отчаявшись, я смиренно улыбаюсь и жду, когда будет выступать гвоздь программы – хор.

Вопреки всем стереотипам из фильмов о старшей школе, в хоре состоят самые классные ребята нашего городка. Членство в хоре считается самым простым способом заработать баллы за курс по искусству, поэтому в нем участвует множество популярных девчонок и парней, включая моего старшего брата Томми.

В хоре так много исполнителей, что для выступлений они разбиваются по группам. Право выступить первыми досталось Томми и его двадцати друзьям. Они поднимаются на сцену, одетые в неоновые майчонки и спортивные штаны – девочки в зале сходят с ума. Ребята пародируют One Direction, исполняя их хит «What Makes You Beautiful».

Парни вовсе не великие певцы, они просто дурачатся, выкрикивают слова и заигрывают со зрителями, подмигивая и показывая сердечки. Им настолько плевать на то, как они смотрятся со стороны, что я должна признать – это было круто. Томми с друзьями подходит к самому краю сцены, он стоит в центре группы. Моя подружка Имани, сидевшая в первом ряду, буквально растаяла: она всегда говорила, что мой брат горячий, и это было самое мерзкое, что я слышала.

В момент, когда я наблюдаю за ребятами, мне все больше хочется разбить альт. Это Я умею петь – по крайней мере, мне так кажется. Тогда почему же из нас двоих именно Томми сейчас скачет на сцене в дурацкой одежде, пока я сижу на задворках оркестра?

Сколько бы раз я ни просила маму позволить мне петь, она отвечала: «Вае-jjae-ra!» – «Только через мой труп!» Так драматично.

Вероятно, она не разрешает мне выступать в хоре потому, что, в отличие от Томми, я отнесусь к этому серьезно. «Можешь заниматься вокалом в свободное время, – сказала она однажды. – Пение не является высоким искусством. Ты должна извлекать звук изнутри, и твои усилия будут на поверхности. А вот классический инструмент делает работу за тебя, к тому же ты можешь исполнять великие сочинения. Это куда более элегантно и захватывающе!»

Странно, что мама так радикально настроена: ведь она сама была певицей. Мои родители учились в престижном музыкальном колледже в Корее, там и познакомилась. Отец учился на дирижерском факультете, мама изучала вокал. Тем не менее учебу они так и не окончили и бросили музыку, вскоре переехав в США и открыв тут небольшой продовольственный магазинчик. Они оба предпочитают не говорить о прошлом. Должно быть, произошедшее так и останется семейной тайной.

Вопреки запрету дирижера, миссис Кузнецовой, я опускаю альт на пол и валюсь в кресло. Смогу ли когда-нибудь выступать на сцене, забыв о запретах? Наверное, придется потерпеть до окончания школы и отъезда из дома. Сейчас же остается лишь продолжить играть роль тихони-отличницы, что увлекается классической музыкой и никогда не жалуется.

После выступления ко мне домой зашли Имани с Итаном, самые близкие друзья. Сегодня пятница, а значит, мы отрываемся у меня в комнате, поедая вкусняшки и смотря YouTube.

Нас нельзя назвать изгоями, пусть мы и подходим под описание типичных «ботаников». Просто вечеринкам и футбольным матчам мы предпочитаем вечера втроем за просмотром RuPaul's Drag Race, мокбанов, бьюти-влогов.

– Малым можно многого достичь, – приговаривает Итан, нанося хайлайтер на скулы. – И не забудь о верхней губе!

Едва мы досмотрели то, как миниатюрная девочка за четыре минуты поглотила восемь упаковок суперострой лапши, Имани захватила мой компьютер. Я уже знаю, что она включит: выступление SLK с песней «Unicorn» на прошлой неделе в Saturday Night Live.

– Я просто обожаю SLK! – говорит Итан, пока Дженнифер Лоуренс представляет ребят.

– Пфф! Разве можно иначе? – отвечает Имани.

Мне же как-то все равно.

– Они достаточно талантливы.

– Так-так, ты пытаешься выкрутиться? – подруга бросает на меня недовольный взгляд. – Честно, иногда мне кажется, что из нас двоих корейка именно я!

Ну, Имани и в самом деле поглощает кимчи прямым из банки. Даже я не достигла такого уровня – предпочитаю есть кимчи с рисом карри или чачжанменом. Родители без ума от Имани и, зная ее любовь к корейской кухне, всегда готовят лишнюю порцию.

– Нет, я, конечно, рада, что азиатская группа посещает популярные шоу и появляется на обложках журналов, и все такое, но их музыка немного... банальна?

– Нам больше не о чем говорить, – отвечает Имани и валится на кровать, обнимая гигантскую подушку в виде кита, Мулькоги (с корейского это переводится как «морское мясо» или просто «рыба»). – Как будто американская поп-музыка ни с чем не сравнима! Все равно, каждый из SLK на самом деле талантлив, они все прекрасно поют и читают рэп – One.J лично написал большинство их хитов. А какая у них хореография, какая синхронность!

– Вот-вот, Кэндис, – добавляет Итан. – One Direction просто прыгали на сцене, а эти ребята *выступают*.

О'кей, не знаю, почему вру лучшим друзьям прямо в лицо. Наверное, стоит посетить специалиста. На деле же я *огромная* фанатка SLK. Часами смотрю их выступления на музыкальных шоу и собственное реалити-шоу SLK Adventures. Стоило SLK прославиться в Америке, как я начала следить и за другими К-роп-группами, особенно QueenGirl, что недавно выступили на Coachella. Наверное, ничего бы не обрадовало Имани больше, чем новость о нашем общем увлечении. Почему-то я стесняюсь своих интересов. Корейнка, увлекающаяся К-роп, – разве не банально?

На экране пятеро участников SLK двигаются как один, даже когда делают сальто назад. Волосы каждого выкрашены в яркий цвет – на макияж и подбор образов они тратят времени столько же, сколько и участницы женских групп. Они все по-своему красивы, особенно One.J, который всегда стоит по центру. Его лицо настолько идеально, что кажется, будто оно было создано в какой-нибудь лаборатории: миндалевидные глаза, пухлые губы, острый и V-образный подбородок. Каким-то образом его движения вовсе не похожи на отрепетированные. Когда все мемберы запускают руку в волосы, кажется, что One.J сделал это спонтанно, а остальные просто повторяют за ним.

Зрители SNL приходят в восторг, стоит ребятам исполнить фирменный танец к «Unicorn». Припев этой хитовой композиции в жанре бибоп исполняется на английском, но абсолютно лишен смысла:

*Детка, теперь я верю в единорогов!
Ты и есть та, кого я искал – искал под радугой.
Детка, теперь я знаю – ты одна на миллиард,
Как единорог!*

К концу песни мы втроем скачем по комнате и подпеваем во весь голос. Имани размахивает волосами во все стороны, пока Итан пританцовывает, а я двигаю телом, не попадая в ритм.

– Хорошо, хорошо, – к концу песни я буквально задыхаюсь. – Эта песня очень даже прилипчивая.

Сразу после окончания выступления на SNL Unicorn включается вновь. И мы были готовы снова голосить, когда оказалось, что это был рекламный ролик. Слова «А что если ты одна на миллиард?» заполнили экран. Строки появлялись одна за другой: «SAY Entertainment – компания, что подарила миру поп-сенсацию SLK, ищет участниц своей первой женской группы!» В кадре появились участники SLK, позирующие на камеру, – хайлайтер на их скулах буквально слепил!

«МЫ ИЩЕМ ДЕВУШЕК, ЧТО СПОСОБНЫ ПЕТЬ, ТАНЦЕВАТЬ И ЧИТАТЬ РЭП КАК SLK. ВДРУГ ТЫ ТОТ САМЫЙ ЕДИНОРОГ?» ГЛЯДЯ В КАМЕРУ И С ЧУВСТВЕННОЙ ИНТОНАЦИЕЙ, КАЖДЫЙ МЕМБЕР SLK СПРАШИВАЛ: «ТЫ МОЙ ЕДИНОРОГ?» КОГДА ПРИШЕЛ ЧЕРЕД ONE.J, ТЕПЛО РАЗЛИЛОСЬ ВНУТРИ МЕНЯ. «ПОКАЖИ СЕБЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТБОРОЧНОМ ТУРЕ SAY 19 АПРЕЛЯ В ROYAL OAK MUSIC THEATER, НЬЮ-ДЖЕРСИ».

Я прыснула со смеху.

– Так они ищут певиц или девушек для SLK?

Имани тут же уставилась на меня.

– Кэндис, ты должна попробовать.

Даже не удостоив подобное предложение ответом, я продолжила.

– И, о боже, Нью-Джерси? Они ошиблись? С чего вдруг К-рор-агентство ищет трейни в Нью-Джерси?

– В Нью-Джерси много выходцев из Кореи. – Итан был абсолютно серьезен.

Имани повторила уже сказанное.

– Ты должна попробовать!

– Ха-ха, – я лишь закатила глаза. – Уже представила, как родители без каких-либо истерик разрешают мне бросить школу, чтобы стать участницей К-рор-группы. Да и вообще, разве я похожа на айдола?

Имани прошлась взглядом по моим босым стопам, дырявым джинсам и черной толстовке на пару размеров больше.

– Ни капли, – озвучила она вердикт. – Но ведь важно то, что под одеждой.

– И ты можешь петь! – добавил Итан. – Даже сейчас, когда мы пели Unicorn, твои вокальные навыки были на высоте.

– Слушай, я же тебе всегда твердила, – добавила Имани, – у тебя ангельский голос! Мир должен его услышать!

Имани не в первый раз говорит подобные вещи. Конечно, приятно такое слышать, но от ее слов мои глаза всегда на мокром месте. Мне стыдно признаться, как сильно я люблю К-рор. В глубине души я уверена, что ни в чем не уступаю айдолам, только вот хватит ли мне смелости для подобных перемен? Точно нет.

В углу комнаты ютится розовая гитара, оттенка Barbie. Отец купил ее в подарок на мой двенадцатый день рождения, полностью уверенный, что все девочки без ума от розового (в случае со мной он оказался полностью прав). Именно он научил меня набирать самые простые аккорды. Я все схватывала на лету – с гитарой дела обстояли иначе, чем с альтом. Она будто превратилась в одну из частей моего тела. Быть может, дело в том, что я всегда воспринимала гитару как неотъемлемую часть вокального выступления. Благодаря роликам на YouTube я даже научилась играть старые песни Тейлор Свифт. Эта гитара является моей главной ценностью. В случае пожара первым делом буду спасать именно ее.

Я беру ее в руки только в стенах собственной комнаты, исполняю каверы на любимые песни и парочку композиций, написанных собственноручно. Иногда снимаю ролики и даже думала выложить парочку на YouTube: например, «Here With Me» CHVRCHES, или «Marshmello», или собственную «Ожидания VS Реальность» – но файлы так и хранятся на рабочем столе компьютера среди работ по биологии и литературе.

– Наверно, в чем-то вы правы.

– Слушай, – Имани начала открывать вкладки на компьютере, – ты просто не представляешь, как же крут К-рор. Он ни на что не похож! Давай-ка я все тебе покажу!

Имани начала включать разнообразные музыкальные клипы с участием женских групп вроде QueenGirl, BLACKPINK, Twice, Red Velvet, Everglow и Itzy. Визуальный ряд и хореография были сумасшедшими, а все девчонки ну просто божественно красивы. Песни принадлежали разным жанрам, включая хип-хоп и EDM. Как объяснила Имани, женские К-рор-группы придерживаются одного из двух концептов: Girl Crush или «Милашки». Первый вариант для более зрелых и харизматичных певиц, тогда как во втором случае участницы более невинные и женственные. Тем не менее в обоих случаях айдолы остаются яркими и оригинальными, и многие группы чередуют концепты.

Продолжая демонстрировать видео, Имани объясняла мне «правила» индустрии, словно пересказывала сюжет «Игры престолов». В мире К-рор существуют четыре основных агентства: YG, JYP, SMTown и SAY.

Сейчас, благодаря популярности SLK, на вершине находятся SAY, а с дебютом женской группы они укрепят свои позиции. Все эти компании ищут подопечных по всему миру – по большей мере, конечно, в Корее, но еще и в Японии, Китае, Тайланде и в Штатах, зачастую в

Лос-Анджелесе. Они выбирают не просто талантливых ребят, а тех, кто займет собственную нишу в группе.

– Это все, что мне надо знать? – шутливо поинтересовалась я.

– Далеко не все, – заметила Имани. – Но К-рор очень похож на своеобразную фабрику. Компании охотятся за талантами в школах, торговых центрах, социальных сетях, на YouTube и конкурсах. Даже если только попав в компанию, человек не отличается особыми навыками, со временем он превратится в бриллиант. Есть невероятно жесткая система трейни, через которую проходят перед дебютом, обычно в течение нескольких лет. Большинству так и не удается прославиться даже после того, как они потратили все детство на тренировки. Очень жестоко, настоящие «Голодные игры»!

Неожиданно в комнату заглянула мама. Хотя мама и в курсе, что Итан просто мой друг, мне запрещено закрывать дверь, когда он в гостях.

– Веселитесь, ребята?

– Да, миссис Пак! – воскликнули мои друзья.

– Имани читает нам лекцию о К-рор, – Итан не сдержал смеха.

– В конце вас обоих ждет экзамен! – нашлась подруга.

– Занимательно, – мама улыбнулась, но я уловила нотки недовольства в ее голосе. – Имани, твоя сестра приехала, чтобы забрать вас с Итаном. Я запакую для вас немного кимчи.

– Спасибо, миссис Пак!

После ухода ребят я продолжила смотреть клипы герлзбендов. Я и не представляла, сколько в К-рор типажей. Можно быть милашкой, дерзкой девицей, королевой стиля или даже совместить все сразу. Почему же идея попытаться удачу раньше не приходила мне в голову?

Это, конечно, глупый вопрос. Существует множество очевидных причин, по которым мне не следует и мечтать о карьере К-рор-айдола. Во-первых, у меня ужасный корейский. В отличие от большинства ребят, которых я знаю из церкви, я не посещала субботние занятия по корейскому языку. Во-вторых, я совершенно не умею танцевать. То есть я даже не могу подмахивать руками в такт музыке – все настолько плохо.

И, конечно же, родители откажут до того, как мне удастся открыть рот. Мама всю жизнь твердила мне и Томми, что существует лишь четыре уважаемых поля деятельности: медицина, юриспруденция, бизнес и наука – именно в таком порядке значимости. Карьера певца внизу списка, где-то между убийцей и наркодилером.

Закрыв YouTube и удостоверившись, что дверь закрыта, я беру гитару и включаю камеру.

Этот ролик станет очередным хламом на моем рабочем столе и никогда не попадет в сеть, как и все остальные. Но мне все равно нравится делать записи, потому что – да, прозвучит очень странно – со мной может произойти несчастный случай, например собьет автобус, и тогда эти видео останутся в память обо мне. Люди будут знать: Кэндис умела петь. Кэндис было что сказать.

Я набрала первые аккорды песни, которую сочиняла в течение некоторого времени – «Ожидания VS Реальность», и пропела:

*Ожидания:
Я не избегаю конфликтов,
Не жду приглашений*

И живу в собственном воображении.

*Реальность: Ты думаешь, что знаешь меня как облупленную,
Но многое остается для тебя тайной.
Подожди, пока я стану той, кем суждено.*

Я в курсе, что от слов хочется съежиться, да и рифма не как в мюзикле «Гамильтон», но я вложила в песню всю свою душу.

*Я не из тех, кто выделяется из толпы,
Но мне суждено стать сенсацией.
Однажды ты услышишь эту песню
И поймешь, что был не прав,
Ведь твои ожидания отличались
от моей реальности.*

– Ого, до чего же прекрасно!

Вздрыгнув и чуть было не уронив гитару, я развернулась к двери. Голова Томми торчала в проеме – он утирал воображаемые слезы.

– Исчезни! – я метнула в брата Мулькоги.

Томми с легкостью поймал игрушку и засмеялся.

– Никто не понимает Кэндис! Никто не может разглядеть ее душу!

Я вытолкнула брата в коридор и закричала: «Мам! Пап! Томми опять шпионит за мной!»

– Прошу прощения, прошу прощения! – все еще смеясь, он принялся раскланиваться. – Уверен, я пожалею о содеянном, когда твоя песня станет хитом!

Я захлопнула дверь и мысленно извинилась перед Мулькоги за жестокое обращение. Мулькоги бесшумно ответил: «Томми заслужил. Разве он достоин петь в хоре?»

Закипая от гнева, я написала Имани:

Я В ДЕЛЕ.

Села за компьютер и принялась редактировать видео, вырезав часть, где меня прервал Томми. Зло нажимая на мышку и представляя на ее месте лицо брата, я зашла на свой аккаунт. Не могу поверить, что спустя тысячи просмотренных роликов я опубликую что-то свое. Мир, встречай CandeeGrrrl0303 (простите, тогда я училась в средней школе) с ее одним-единственным роликом, в котором она поет и играет на гитаре.

Мамин страх перед собственным голосом и ее печальное прошлое не должны останавливать меня.

Публикую видео.

Когда взгляд падает на телефон, там уже горит сообщение от Имани:

ДААА!!

Глава 2

Одна на миллиард

Имани и Итан держат меня за руки – не столько в знак поддержки, сколько удерживая от побега. Без них я убежала бы уже давно, как только заметила толпу.

Сначала я была уверена, что прослушивание проводится для новой женской группы, но, как оказалось, они набирают и мальчиков для SLK 2.0. Очередь растянулась от входа в театр до самой парковки, обогнув здание.

Я была потрясена увиденным. И в мыслях не было, что на Восточном побережье проживает так много фанатов К-рор, не говоря уже о населении Нью-Джерси. В большинстве своем пришли азиаты, но есть и иностранцы. Среди них парень-афроамериканец с розовыми волосами, репетирующий исполнение баллады на идеальном корейском и нашедший фанатов среди родителей конкурсантов. Впереди стоит симпатичная рыженькая девчонка, рассказывающая, как One.J послал ей воздушный поцелуй на одном из концертов SLK в Madison Square Garden. Была и команда сотрудников местных новостей, снимавшая людей за исполнением хореографии к Unicorn – стоит лишь приложить руку ко лбу с выставленным пальцем, будто это рог, и исполнять прыжки. Чем-то напоминает Gangnam Style от PSY, только ребятам из SLK удастся придать движениям сексуальность (Тимми и его друзьям из футбольной команды очень далеко до них).

Взгляд скользит по гигантским постерам SLK, расположенным по периметру комплекса SAY Entertainment на сутки. В группе пять мемберов: Намкён – лидер и «отец» группы, Ючжин – главный рэпер, модник Чжуда, весельчак Вуки, напоминающий простого парня, и One.J, центральной, вижурал (лицо группы), и макнэ (самый младший участник коллектива).

На некоторых постерах ребята выглядят пугающе, походя на вампиров из «Сумерек» с сияющей белоснежной кожей, кроваво-красными губами и глазами, отливающими золотом. На других они смотрятся как солнечные тинейджеры, идеальные бойфренды, с которыми вы повстречались в летнем музыкальном лагере.

На секунду я зависаю, уставившись на постер с One.J. Взгляд, пронизывающий насквозь, и идеальные, слегка приоткрытые губы. Вздрагиваю, выходя из транса с помощью Имани, – после двух часов ожидания пришло время регистрироваться. За столом сидит девушка в майке SLK.

– Все три пришли на отборочный тур?

– Нет, только эта К-рор-дива! – отвечает Имани.

Организатор скептически оглядела нас и протянула анкету.

– Следующий!

Мы прошли к залам, в которых проходил отбор. Я опустила на пол и принялась заполнять анкету.

Имя: Кэндис Пак

Корейское имя (при наличии): Пак Минкён

Возраст: 15

Корейский возраст:???

Рост: 1,55 см

Вес: Не знаю. НЕ ВАШЕ ДЕЛО!

Навыки (пение, танец, актерство): Пение

Другие навыки: Игра на гитаре, написание песен, однажды съела три буррито за раз

Любимые западные исполнители: Ариана Гранде, Рианна, Джастин Бибер

Любимые К-поп-исполнители: SLK, QueenGirl, BLACKPINK

Имани заглядывает через плечо. Хотя я думала, что она посоветует отнестись к моим ответам более серьезно, она сказала, что я молодец и демонстрирую личность!

– О, ты указала хорошие группы. Быстро учишься, юный падаван.

Анкету я отдала организаторам в обмен на номерок – 824. Неплохое сочетание: я родилась 24 августа.

Итан достал телефон и начал снимать.

– Что чувствуешь, зная, что войдешь в состав женской версии SLK?

Я показала «V» на камеру и выдавила миленькую улыбочку, прямо как настоящий К-поп-айдол.

– Ничего из этого не станет правдой, – промолвила я, продолжая по-издевательски улыбаться. – Спую песенку, провалюсь и сделаю вид, что ничего не было!

– Фу, какая ты скучная! – Итану оставалось лишь убрать телефон.

Я оглядываюсь по сторонам. Кинотеатр, закрытый для широкой публики, наполнен подростками, которые внешне напоминают косплееров: жирная подводка, неоновые цвета волос, чокеры, готический макияж. Другие выглядят как хип-хоп-артисты, в мешковатых джинсах и с цепями. Все практикуются в брэйк-дансе или вокале, исполняя акапелльные версии К-поп-хитов вроде «Loser» Bigbang или «Love Whisper» GFriend. Никогда не ощущала себя настолько лишней. И ради этого я пропускаю подготовку к экзамену!

Имани, заметив мои метания, предложила сложить наши руки вместе. Это своего рода инсайдерский юмор, все дело в брошюре из офиса школьного советника о культурном разнообразии. Мы соединяем руки и отмечаем разницу в цветах кожи: смугленькая Имани отличается от бледного Итана и от меня. Не знаю, откуда пошла шутка о желтом тоне кожи азиатов, ведь это совсем не так.

– Ну вы только гляньте! – Итан ведет себя как заботливый отец. Когда звучит мое имя, он помогает мне зафиксировать ремень от гитары. В компании еще двоих конкурсантов я захожу в зал и поднимаюсь на мини-сцену, сооруженную перед огромным IMAX-экраном. Стоило глазам привыкнуть к яркому свету, как становится различимым оператор, парень в модных очках и свитшоте, и женщина со сдержанной улыбкой, облаченная в строгий костюм. Наверняка, именно даму и надо впечатлить своими навыками.

– От лица SAY Entertainment менеджер Кон благодарит вас за участие в конкурсе, – говорит мистер Модная-оправа-и-яркий-свитерок. – Меня зовут Брендон Чхве, сегодня я выступлю в роли вашего переводчика. На каждого отводится по минуте. Покажете вы танец, исполните песню или сыграете сценку – без разницы, это зависит от того, что вы указали в анкете. Когда мы остановим вас, не стоит продолжать – значит, мы увидели все, что нас интересует. Первым будет номер 822, Рики Таунсенд, он исполнит... Jebal. Все верно?

Замеченный мной ранее парень с розовыми волосами выходит вперед. Молча помолвившись, он начинает исполнять грустную балладу на корейском языке. Даже со своими скудными знаниями я в курсе, что Jebal переводится как «пожалуйста». Нет, даже как «О Господи, я тебя умоляю!» (Помню, как мама кричала: «Jebal, возмись за альт!») С первой же ноты Рики задает высочайшую планку.

Надеюсь, он пройдет, но, если верить Имани, лейблы, конечно, принимают ребят неазиатского происхождения, но им редко удается стать знаменитыми. Большая часть К-поп-агентств предпочитают на сто процентов азиатские составы групп. Мы с Имани уверены: перемены должны произойти, пусть на это и уйдет немало времени.

Дальше следует американец корейского происхождения, зачитывающий рэп. Он зовет себя ANIKDOTE, и его способности вполне соответствуют выбранному прозвищу. Мисс Кон и переводчик Брендон останавливают его по истечении десяти секунд.

Настал мой черед. Я делаю шаг вперед.

– Я исполню акустическую версию «Bad Guy» Билли Айлиш, – говорю я, приветственно кивая головой. Я могла бы и отвесить традиционный корейский поклон, если бы этому не препятствовала гитара.

Не вижу ни мисс Кон, ни переводчика, лишь их размытые силуэты. Делаю вдох и набираю первый аккорд. Замечаю, что слегка тороплюсь, стоит начать петь, но ничего не могу поделать – внезапно проносится мысль о том, что выбор песни оказался ошибочным. Голос кажется чересчур писклявым и слабым, может быть, потому, что я привыкла исполнять песни шепотом. Наперевес с розовой гитарой, наверное, выгляжу как малолетка, что считает себя не такой, как все. Не похожа я на ту, что «расстроит твою маму», надо было выбрать Карли Рэй Джепсен.

Хотя я уже исполнила первый куплет и припев, никто и не пытается меня остановить. Или, может быть, я просто не слышу их криков, ведь душа словно покинула тело: мозг отключился, пальцы двигались благодаря мышечной памяти. В проигрыше я просто свищу в ритм мелодии.

В конце резко останавливаюсь и осознаю, что на самом деле стою на сцене и прохожу отбор в К-роп-группу. Кланяюсь еще раз и возвращаюсь к Рики и ANIKDOTE.

– Молодец! – шепчет Рики.

– Ты тоже!

Мисс Кон и Брендон перешептываются между собой. Я трясусь всем телом и чувствую, как капля пота скатывается по виску. Переводчик прокашливается.

– Спасибо за участие! Благодарим вас за работу. К сожалению, никто из вас не проходит дальше.

Ау.

Хоть я и не верила в успех, сердце все равно тает, словно часы на полотне Сальвадора Дали.

Вслед за ребятами я устремляюсь к выходу со сцены, когда голос Брендона гремит в тишине:

– Кроме номера 824! 824! Уходят все, кроме участника под номером 824! 824, останьтесь на сцене.

Неожиданно для самой себя я издаю вскрик.

Не удивлюсь, если переводчик специально проделал трюк прямиком из реалити-шоу, когда судьи такие: «Очень жаль, у нас плохие новости... Вам придется вновь пройти через все эти трудности, ведь вы проходите дальше!»

Оставшись на сцене, машу вслед Рики – он просто обязан стать певцом. Теперь надо сконцентрироваться на следующем раунде. Если им нужна еще одна песня, исполню Cut To The Feeling Карли Рэй Джепсен. Она подходит мне куда больше, чем композиции Билли Айлиш.

– Пожалуйста, убери гитару, – звучит голос переводчика.

О'кей, спую и так.

Кладу гитару прямиком на пол, совершенно беззащитную – ненавижу подобное обращение со своей малышкой, это же не какой-то альт!

– Мисс Кон благодарит тебя за собственное прочтение хита Билли, – говорит Брендон, – под какую песню ты хотела бы станцевать?

Неожиданно.

– Станцевать? – уточняю я. – Простите, наверное, это какая-то ошибка. В навыках я указывала лишь вокал.

Тишина.

– Ну, каждый К-поп-айдол умеет танцевать.

Во что бы то ни стало надо избежать танцев любой ценой.

– Простите, это ваша идея или мисс Кон?

– Прости, что? – удивленно воскликнул Брендон.

Мне вовсе не хотелось грубить, но тут уж как вышло.

– Прошу прощения, я в самом деле не понимаю, зачем мне танцевать на вокальном конкурсе?

Брендон и мисс Кон говорят на корейском. Он поворачивается ко мне и говорит нетерпеливо:

– Не надо демонстрировать ничего из ряда вон выходящего. Просто... подвигайся под музыку.

– Подвигаться? – звучу обреченно. – Простите, я не понимаю, что от меня требуется.

Прежде чем успеваю опомниться, организаторы включают «Navana» Камиллы Кабейо.

Я будто леденею.

Буквально забываю, как следует управлять своим телом. Прошел куплет, а я так и не пошевелилась.

Сделай хоть что-нибудь, Кэндис!

Вижу, как мисс Кон и Брендон выжидающе ерзают в креслах. В этот унижительный момент не нахожу ничего лучше, чем сконцентрироваться на красном огоньке камеры. Кажется, будто я смотрю на себя со стороны, пока изображаю руками пистолетики.

Кажется, я стреляю в свои шансы построить карьеру в индустрии К-поп. Затем делаю движение cabbage patch, потом изображаю курицу, потом вспоминаю бешеные танцы Томми на свадьбе тети Сун Ми – каждое движение.

Не думая ни о чем, представляю, как поступила бы участница RuPaul's Drag Race, понимая, что вот-вот провалит в битве танцев под фонограмму, и готовясь продемонстрировать что-нибудь поистине невероятное. Я, конечно, не могу упасть замертво на пол или сорвать парик. А вот попытаться изобразить что-то отдаленно напоминающее – вот это я могу!

Дергаю руками, словно раздраженный регулировщик движения. Затем опускаюсь на корточки и изображаю утку, но поздно осознаю, что мышцы на ногах не столь хорошо развиты для подобного, и валяюсь на спину. Музыка останавливается.

– Стоп! – кричит переводчик. – Пожалуйста, хватит. Мисс Кон и SAY Entertainment благодарят тебя за приложенные усилия и потраченное время.

Абсолютно униженная, встаю на ноги. Наверное, они решили, что у меня приступ. Кланяюсь мисс Кон и мямлю благодарности на корейском: «Камсамнида!» Хватаю гитару и выбегаю из зала, стараясь прикрыть волосами лицо, красное от стыда, словно кимчи-чиге.

Глава 3

Неизвестный абонент

Наступил понедельник, по ощущениям я была мертва изнутри. Сконцентрироваться на работах по литературе и биологии было невозможно, за обедом кусок не лез в горло. Весь день телефон вибрировал от звонков с неизвестного номера, но сил не хватало даже на то, чтобы убрать телефон в рюкзак.

Почему я не отнеслась к прослушиванию более серьезно? Я вновь и вновь возвращалась к мысли о шансе, который мог бы кардинально изменить мою жизнь раз и навсегда. Надо было выложиться на все сто. Почему я восприняла все как шутку? Ведь можно было догадаться, что меня попросят станцевать! Это же очевидно! А я вела себя так, будто К-рор и внимания моего недостоеин, но сама-то я являюсь пустым местом. Боже мой, я ведь играю на альте!

После занятий я, Имани и Итан отправились в наш семейный магазин, креативно названный «Магазин семьи Пак», чтобы готовиться к завтрашнему тесту по мировой истории. Но сначала мы болтаем об SLK. Сейчас проходит их мировой тур Rebel, и в сеть выложили видеоролики с концерта в Сингапуре – вмиг они стали хитом YouTube. За два дня после проваленного прослушивания я посмотрела так много К-рор-клипов и видео SLK, как никогда раньше.

Папа угостил нас якква, приготовленными мамой. Наши покупатели просто без ума от них! Это корейские медовые печенья, один из моих любимых перекусов – нежные словно нуга, мягкие, как свежее испеченные печенья, и мяслянистые, чем напоминают пончики. Имани и Итан тоже без ума от них.

– О да, якква просто божественны! – рука Имани машинально потянулась за яством.

Папа, обрадованный увлеченностью Имани всем корейским, засмеялся:

– Имани, у тебя есть купон на баббл-ти?

– Вообще-то, мистер Пак, он прямо сейчас при мне! – подруга достала карточку из кармана.

Стоило нам начать продавать баббл-ти – наверное, самое прибыльное нововведение нашего бизнеса, – как мы принялись раздавать покупателям купоны с акцией «Каждый одиннадцатый баббл-ти в подарок!»

Папа забирает у Имани карточку и делает в ней сразу десять отверстий, подбрасывая отрезки бумаги в воздух, словно конфетти. «Бесплатный баббл-ти для Имани!» Подруга подскакивает от радости, издав визг, пока кусочки бумаги медленно опускаются на стол. Это их с папой фишка, милая до безобразия!

Мама приносит бесплатный баббл-ти улунь, любимый вкус Имани, и персиковый чай для Итана, который не переносит лактозу. На концах трубочек остались кусочки бумаги – мамина фишка.

– Что смотрите, ребята? – спрашивает она.

– Разные К-рор-видео, – отвечает Итан, сделав глоток чая.

– Опять? Кэндис, ты нашла новое увлечение? – она поджимает губы, демонстрируя явное недовольство.

– Некоторые и, правда, крутые, – неуверенно мямлю в ответ.

Стоит ей отвернуться, как я нахмуриваюсь. Если бы она только поддерживала мой талант, вместо того чтобы относиться к нему как к чему-то постыдному, я бы серьезно взялась за вокал и танцы, вместо бессмысленной игры на альте, стала бы уверенной в себе и не провалила бы отборочный этап. Наверняка уже сидела бы в самолете Нью-Джерси – Сеул, чтобы стать участницей женского подобию SLK.

Папа по-доброму посмеивается:

– Я удивлен изменениям в твоём вкусе, Кэндис. Ты всегда старалась вести себя как сто-процентная американка!

– Кэндис превращается в настоящую фанатку К-роп, прямо как я! – радостно сообщает Имани.

Мама резко оборачивается, настороженная подобным известием. Я быстро отвожу взгляд.

Имани показывает нам с Итаном множество роликов, где мемберы SLK Чжуда и Намкён игриво обнимаются на сцене.

– Ах, в этом туре так много скиншипа от Чжукёнов!

– Чего? Скиншипа? – переспрашивает Итан.

– Добавляем определение в словарь К-роп! – по-друга переворачивает страницы тетради по мировой истории и открывает импровизированный толковый словарь, полный жаргона и терминов, свойственных К-роп-индустрии. Тихо-тихо она добавляет: – Когда станешь трейни SAYU, должна будешь все это выучить, Кэндис!

Надо удостовериться, что родители не слышат нашего разговора: папа беседует с покупателями, пока мама добавляет тапиоку в бабл-ти.

– Говорю в последний раз, – шепчу я подруге. – Я упала прямо на задницу, когда повторяла утиную походку.

– Мда, мы видели твоё исполнение, дела плохи, – Итан знает, о чём говорит.

– Слушай, наверняка они решили, что это было очень даже мило и забавно! – спорит подруга.

– Я поторопилась, когда исполняла песню.

У Имани и на этот довод нашёлся ответ:

– То, что ты называешь провальным исполнением, для большинства остаётся недостижимой мечтой.

Мне остаётся лишь вздохнуть. В голове всплывают воспоминания о побеге со сцены. Хочется забыть все и сфокусироваться на чём-то повеселее. Например, на новом клипе BLACKPINK на песню «Kill this love». Эти красотки, облаченные в кутюр с ног до головы, возвращают смысл в мою никчемную жизнь. Беру в руки телефон.

– Сорок семь пропущенных с неизвестного номера.

– Должно быть, какой-то сумасшедший, – выдвигает свою версию Итан. – Или тайный поклонник!

– Не отвечай! – советует мама, а после добавляет уже на корейском: – Кругом много людей, не вызывающих доверия.

Два дня спустя я все еще мучаюсь от мыслей о проваленном прослушивании. Старательно пытаюсь вытеснить из головы и сфокусироваться на грядущих экзаменах, но стоит вспомнить свой танец, как хочется залепить самой себе оплеуху.

За ужином с жареным мясом разговоры ведутся лишь о наших с Томми надвигающихся экзаменах. Я лишь громко вздыхаю от предсказуемости всего происходящего.

Мама бросает на меня удивленный взгляд и интересуется на корейском:

– К чему эти страдальческие вздохи?

– Ничего, все в порядке.

После ужина она зовет меня с Томми, и мы вместе звоним дедушке через KakaoTalk. Чтобы влезть в кадр, я становлюсь на носочки, пока Томми вынужден присесть. Он так и не успел сходить в душ после игры в бейсбол, пахнет от него так себе.

– Здравствуйте! – кричим мы в унисон.

– Ох, это вы, детишки? – интересуется дедушка. Мы разговариваем с ним, используя вежливые формы корейского языка.

Не знаю, может, так говорят абсолютно все пожилые люди в Корее, но меня не перестает удивлять его вопрос, мы ли это. Может, дело в том, что мы говорим по телефону, и он не способен нас разглядеть. Устройство трясется в его руках, да и сам дедушка выглядит хуже обычного – кожа заметно побледнела.

Он тычет пальцем в грудь и спрашивает на корейском: «Кем бы я мог быть?» Мы с Томми отвечаем: «Дедушка!»

Дедушкино лицо светится от удовольствия. «Правильно!» – он продолжает говорить по-корейски фразочками, которыми обычно общаются с детишками.

Так обычно и выглядит наш разговор с дедушкой – всему виной языковой барьер. Так трогательно видеть радость на его лице, когда мы отвечаем ему на родном языке, пусть наши знания далеки от должного уровня. Наверное, для него мы навсегда останемся пятилетками – столько нам было, когда мы прилетали к дедушке в гости в Сеул.

Попрощавшись с ним, мы вешаем трубку. Я возвращаю телефон маме, занятой мытьем посуды. Я нахожу нужным спросить:

– С дедушкой все в порядке? Он выглядит как-то... иначе.

– Дедушка очень болен, – отвечает мама, не вникая в подробности.

Я жду, когда она продолжит мысль. Что значит болен? Насколько все плохо? Разве никто не собирается навестить его?

Мама не намерена продолжать разговор:

– Займись уроками. Если ты не получишь высший балл по биологии, тебя ждут неприятности.

Уделив внимание биологии, я открываю YouTube и вновь смотрю К-рор-ролики. Рядом с иконкой в виде колокольчика горит красная точка – есть непросмотренные уведомления. Кто-то оставил комментарии под моим видео.

Открываю ролик, набравший двенадцать просмотров, – уверена, это все Имани с Итаном и члены их семей.

Два комментария я уже видела:

ImaniCharles2003: «КО-РО-ЛЕ-ВА!»

EthanEmery627: «Ты моя корейская Тейлор Свифт!!! [подмигивающий эмоджи] [десять сердечек]

Третьего комментария не было ранее. Его оставил пользователь с ником SAY Entertainment, и он написан на корейском.

Делаю глубокий вдох. Кажется, мое сердце сейчас не выдержит. Через минуту я таки сумела разобрать написанное. Комментарий гласил: «Мы пытались связаться с Вами по телефону, но Вы так и не ответили. У Вас есть KakaoTalk?»

Я кликаю на пользователя, дабы удостовериться, что это и в самом деле SAY Entertainment. Браузер перенаправляет меня на официальную страничку агентства – канал, на котором публикуются клипы SLK, набирающие более миллиарда просмотров.

Возвращаюсь к собственному ролику и печатаю ответный комментарий: «Простите, что не отвечала вам! У меня нет KakaoTalk, но я скачаю его прямо сейчас!»

Какой же тупицей надо быть, чтобы пропустить звонки от SAY Entertainment! Руки трясутся, когда я хватаюсь за телефон и скачиваю KakaoTalk – самый популярный мессенджер

в Корее. Мама и папа используют его для связи с родственниками, тогда как у меня не было причины его заводить.

Стоит мне активировать KakaoTalk, как в ту же секунду приходит уведомление – звук напоминает ребенка, произносящего «Ку-ку!».

«Рада приветствовать вас! – сообщение написано по-английски, но от корейского пользователя по имени Кон Йена. – Это менеджер Кон из SAY Entertainment».

Не может быть. Какого черта! Это та самая женщина! Та самая бизнесвумен, что не произнесла ни слова.

Я вежливо здороваюсь с ней на корейском языке.

Пока менеджер Кон набирает ответ, я скачу по комнате и беззвучно кричу.

«По возвращении в Сеул я показала ролик с прослушивания некоторым сотрудникам компании».

О боже, лучше бы вы этого не делали!

«Директора очень заинтересованы. Вы можете говорить?»

Могу ли? Я лежу на спине, упираясь стопами в дверь. Так как у меня нет замка, приватность можно обеспечить лишь подобным образом.

«Да, могу!»

В тот же момент раздается рингтон – входящий видеозвонок в KakaoTalk. Я поднимаю телефон к лицу, надеясь, что менеджер Кон с пониманием отнесется к моей позе. Мисс Кон появляется на экране. Она сидит в ярко освещенном конференц-зале, одетая в обычную одежду, черную майку и кепку.

– Здравствуйте! – все еще лежа на полу, я пытаюсь приветственно кивнуть.

– Здравствуй, Кэндис! – отвечает она. – Рада наконец связаться с тобой!

Даже не знаю, что и ответить. Благодаря маме и папе я кое-как понимаю корейский, но вот разговаривать сложновато – родителям я всегда отвечала по-английски.

Я лишь говорю «Нэ!», что переводится, как вежливая форма «Да!».

– Мы были впечатлены твоими вокальными данными, – говорит менеджер Кон. – У тебя уникальный, очень чистый голос.

Я благодарю ее за похвалу.

– Твои танцы...

С трудом формируя предложение, я извиняюсь за содеянное.

Менеджер Кон улыбается.

– Пусть у тебя нет танцевальных навыков, мы оценили твои старания. Ты продемонстрировала свой шарм.

Я вновь пытаюсь оторвать затылок от пола и благодарственно кивнуть.

– Конечно, если ты надеешься дебютировать, тебе придется приложить массу усилий. Не знаю, насколько ты осведомлена о порядках в мире К-рор, но он сильно отличается от американской музыкальной индустрии. Мы набираем ребят с потенциалом и заставляем их практиковаться, практиковаться и еще раз практиковаться. У нас полно трейни, как мальчиков, так и девочек, которые годами тренируются под крылом SAY – все ради возможности когда-нибудь дебютировать. Очень скоро мы представим новую мужскую группу, которую пока зовем SLK 2.0, а также готовим первую женскую группу. Мы хотели бы предложить тебе участвовать в подготовке. Уже набрано много талантливых трейни, но CEO решил, что следует добавить кореянку, выросшую в США. Из всех конкурсантов в Нью-Джерси ты единственная соответствуешь всем критериям. Что думаешь?

Менеджер Кон говорит очень быстро и исключительно по делу. Я не поняла ее речь до конца, но усвоила главный смысл сказанного. Ожидая моего ответа, она бросает взгляд на часы и вовсе не представляет: только что она перевернула мой мир с ног на голову.

Я прокашливаюсь и отвечаю.

– Я все еще являюсь школьницей.

Суровая реальность буквально ударяет меня по лицу: мама с папой никогда не позволят мне пропустить школу по какой-либо причине, не говоря уж о поездке в Корею, чтобы стать К-рор-айдолем. У нас и денег-то лишних нет, разве что на спортивную экипировку Томми, мои бессмысленные занятия альтом, репетиторами и покупкой компьютеров для учебы. Ведь родители откладывают деньги на наше с братом поступление в колледж. Родители Итана, в разы более обеспеченные, чем мои, сказали, что он должен сам искать деньги на учебу. Это абсолютно противоположно взглядам моей родни. Для мамы с папой нет ничего более важного, чем образование. Они считают своим долгом дать нам все лучшее.

– В каком ты классе, в десятом? – интересуется менеджер Кон.

Я утвердительно киваю.

– Разве в Америке нет летних каникул? СЕО Ян сообщил, что утвердит составы обеих групп в конце лета. Конечно, четыре месяца тренировок до дебюта – это ничтожно мало, но некоторым удавалось. Даже если ты провалишься, не обижайся, но вероятность этого и правда очень велика, ты просто вернешься домой в США, начнешь новый учебный год, приобретая важные жизненные уроки и друзей. Если дебютируешь, мы обсудим дальнейшие действия. В Сеуле множество международных школ. Так что?

– Эм, – пытаюсь привести голос в порядок. – Могу ли я поговорить с родителями?

– Ладно, – менеджер Кон вздыхает, раздраженная моей нерешительностью бросить все и отправиться на другой конец света, посвятив жизнь корейскому музыкальному лейблу. – Мы готовы оплатить тебе и одному из родителей билеты до Сеула и проживание – общежитие для тебя, апартаменты для родителя. Тренировки не будут чего-либо стоить. Если так будет проще, родители могут связаться со мной напрямую.

– Когда вам было бы удобнее поговорить?

– Звони в любое время. Сотрудники SAY никогда не спят.

Я пытаюсь найти на ее лице малейшие признаки эмоций, но менеджер уже бросила трубку.

Голова кружится от всех мыслей. Всю неделю я только и думала об упущенном шансе. Теперь, когда я ухватила удачу за хвост, осталось сделать невозможное – уговорить маму.

Глава 4

Вае-Јјае-Ра

Как следовало ожидать, Имани с Итаном визжат от услышанной новости. Итан буквально встает на голову, пока Имани трясет меня изо всех сил: «Я знала, я знала, я знала!»

Успокаиваю друзей и проверяю, не слышат ли нас. Мы сидим на моем привычном месте, поляне у кафетерия. Чудесный день, теплая погода, близится конец школы и сезон аллергий. В паре метров от нас ребята из Клуба робототехники заставляют своих роботов драться.

– Не сходите с ума раньше времени. Как я уже говорила, родители ни за что не позволят мне уехать.

– Все, пока! – восклицает Имани. – Все как всегда, Кэндис.

– В смысле?

– Ты вечно поддаешься на уговоры внутреннего саботажника, – добавляет Итан.

– Кого-кого?

– Внутреннего саботажника, – уточняет друг. Он вскакивает на ноги и принимается декламировать, – согласно великому РуПолу, внутренний саботажник или диверсант – это голос, что напоминает тебе о страхах и противостоит желаниям делать то, что ты на самом деле хочешь.

– Послушай РуПола, – добавляет Имани. – Ну и Итана. Твой внутренний голос управляет тобой.

– Он жив-здоров благодаря диете из отговорок и низкой самооценки! – добавляет Итан. Мои друзья – зло.

– Ой, тоже мне! – я лишь фыркаю, но глаза предательски покалывают. – Это же совсем не про меня!

– Правда? – Имани вопросительно изогнула бровь. – Тогда почему же ты не отнеслась к прослушиванию серьезно?

– И почему ты до сих пор играешь на альте? – вступает в игру Итан.

– Вы не понимаете, – отбиваюсь я, – вы не знаете мою маму.

– Знаем, и она походит на святую, – отбивает Имани.

– Она лишь кажется такой, внутри нее сидит настоящая тигрица!

Имани вскидывает обе руки вверх.

– Я не буду с тобой спорить. Я уже отвела тебя на прослушивание, вопреки крикам и попыткам сопротивляться. Как оказалось, была права! Теперь же я умываю руки, – Итан ободряюще хмыкает. – Но если ты вдруг решишься, я готова помочь в уговорах. Убеждать людей – моя суперсила!

– Просто подумай: когда ты станешь трейни в одной компании с SLK, – добавил Итан, – сможешь встретить Опе.Ј!

Я тяну до конца воскресной церковной службы, несмотря на хаотичный поток сообщений в КакаоTalk.

– Мне нужно знать как можно быстрее!

– Такой шанс выпадает раз в жизни.

– Ты представляешь, сколько ребят хотели бы оказаться на твоём месте?

После посещения церкви родители, уже переодевшись из костюмов «на выход» в привычную одежду, обычно пребывают в наилучшем расположении духа. Не отличающиеся активной социальной жизнью, родители воспринимают походы в церковь как развлечение. После часов, потраченных на молитву, еду и общение с друзьями, они вымотаны и счастливы.

Удостоверившись, что Томми занят – зависает в импровизированной качалке в подвале – я зову родителей в гостиную. У мамы сразу же возникают подозрения.

– Ты же не сообщишь нам ничего из ряда вон выходящего?

Что-либо гарантировать я не в силах.

– Просто присядь.

Мой компьютер подключен к телевизору – на настройку ушел час. Я встаю перед телевизором и делаю глубокий вдох.

– Я позвала вас, потому что хочу обратиться с просьбой. Возможно, сказанное вас не обрадует. Я лишь прошу вас не прерывать меня и потерпеть.

– Обещаю, – говорит папа.

Мама нервно сжала ткань домашних штанов.

– Мам, я жду.

Стоило папе подтолкнуть ее локтем, как мама нарушила тишину.

– Хорошо, даю слово.

– Спасибо! Вещи, которые мы будем обсуждать, несколько сложны, поэтому я подготовила визуальный ряд, – я включаю телевизор, на экране которого сразу же загорается первый слайд презентации PowerPoint. Там фото пятилетней меня, стоящей на сцене с другими ребятами из детского сада, мы вместе исполняем «Away In a Manger» в честь наступающего Рождества.

Папа расплывается в улыбке, а мама хватается за грудь. Хорошее начало!

– Я, Кэндис Минкён Пак, родилась в Ньюарке, штат Нью-Джерси, 24 августа 2003 года. Насколько помню, – на следующем слайде я стою в костюме Рапунцель и пою «When Will My Life Begin» на вечеринке в честь Хеллоуина в 2012 году, – я всегда любила музыку, особенно пение.

Даже не глядя на маму, я чувствую, как настроение меняется в худшую сторону.

– Как бы то ни было, своим талантом я обязана вам, ведь знаю, что вы были и остаетесь прекрасными музыкантами.

Далее появляется фото шестилетней меня, плачущей за игрой на альте. По неизвестным причинам родители всегда считали эту фотографию особенно трогательной и сейчас не могут сдержать продолжительного «Оууу!».

– Когда я была маленькой, мне было дозволено петь, сколько душе угодно – делать это с удовольствием и без какой-либо задней мысли, – эту фразу предложил Итан. – Но в процессе я утратила интерес. Всю жизнь я не видела особого смысла в занятиях вокалом и была вынуждена заниматься альтом, к которому не было ни интереса, ни предрасположенности.

На следующем слайде я уже семиклассница и выгляжу чрезмерно опечаленной, позируя родителям с альтом в не подходящей по размеру форме.

– Могу с уверенностью сказать, что за все одиннадцать лет занятий я ни разу не получила удовольствия от игры на альте. Более того, время, потраченное впустую на занятия по альту, могло бы быть потрачено на подготовку к экзаменам в колледж. Какое учебное заведение впечатлит полное отсутствие достижений? Пять лет индивидуальных занятий по альту вылились лишь в счета на тысячи долларов, заработанных вашим тяжким трудом, но брошенных на воздух. И давайте не забывать о времени, проведенном в пути.

На секунду я решаю глянуть на маму. Она выглядит ошеломленной, испуганной. Кажется, план работает.

– С некоторых пор моя душа вновь расположена к пению, – и эту фразу подкинул Итан. – Должна признаться: на прошлой неделе я нарушила правила, но ничего не прошло даром: я пропустила подготовку к экзамену ради прослушивания в К-поп-компанию.

Родители шокированы. Мама прерывает меня.

– Что ты...

– Мам, ты ведь обещала! Все слова потом.

Я показываю фото, на котором мы с Имани стоим в толпе других конкурсантов.

– Я прекрасно осознаю, что поступила неправильно, но если бы я сказала вам заранее, то была бы наказана и не смогла бы претворить планы в жизнь! Я пела, стоя прямо перед менеджером SAY Entertainment, которая прилетела прямиком из Кореи на поиски талантов. В прошлый понедельник она связалась со мной и сказала, что из трех тысяч участников они выбрали лишь меня!

Я рассказываю родителям о SAY Entertainment и их влиянии, показываю фото SLK – не что-то сексуальное: мальчики сидят вместе в школьной форме.

Далее высвечивается список.

Почему Кэндис должна стать К-поп-трейни этим летом:

- Кэндис выучит корейский.
- Кэндис заведет много друзей со всего мира.
- Кэндис станет увереннее в себе, наблюдая за превращением обычных ребят в популярных айдолов. Ей так не хватало этого в Америке.
- Кэндис вытерпела десять лет игры на альте.
- SAY возьмут на себя расходы за перелет и проживание в Сеуле в течение всего лета.

На отдельном слайде помещен довод, подсказанный Имани:

«Люди, отбирающие учеников в колледж, слабо верят, что азиаты могут хоть как-то выделиться из толпы. Каждый второй получал хорошие оценки и высокие баллы за экзамены, а на музыкальном инструменте многие играют лучше, чем Кэндис когда-либо сможет! Лето, проведенное в качестве К-поп-трейни, – это уникальный опыт и материал для *великолепного эссе для приема в колледж*».

На последнем фото я держу гитару, подаренную папой на двенадцатый день рождения – в моих глазах отражаются подлинная радость и свечи на торте.

– Спасибо за внимание! Остались ли у вас какие-либо вопросы?

Тишина, папа неловко хлопает. Мама отводит глаза, скрестив руки на груди. Так, я была готова к сопротивлению.

– Мам, кажется, тебе есть что сказать?

В ответ она лишь цокает – значит, действительно разозлилась.

– Это абсурд, – произносит она. Она произносит *maldo andwae* по-корейски – что-то вроде «чепухи».

– И что же кажется тебе абсурдным? Все предельно ясно.

Ухмыляясь, она устремляет на меня взгляд.

– Ты?! Поедешь в Корею, чтобы стать айдролом?! Девчонка, что не говорит по-корейски? Которая в жизни еще не трудилась?

Щеки горят, слово уголь под решетками с кальби.

– А что в этом такого? – не выдерживаю я. – Я ни разу в жизни ни о чем не просила! Только и делала, что молчала в тряпочку и училась!

– Зато жаловаться ты можешь, – отвечает мама.

– Почему Томми достается все? Он и в хоре поет, и спортом занимается, а ты и слова не сказала ни разу. У меня ведь оценки куда лучше! Это все потому, что он мальчик?

Мама хватается за руку, а я спешно ее вырываю.

– Как ты можешь так говорить? Дело вовсе не в этом. Спорт поможет Томми поступить в колледж, поможет ему в будущем!

– А чем вокал хуже? – продолжаю спор.

Мама закусывает губу и кивает сама себе.

– Я буду честна, Кэндис, – она говорит мягко, но уверенно. – У тебя хороший голос, но певцу очень сложно выделиться. Ты хотя бы представляешь, сколько в Корее великолепных вокалистов? Ты ведь такая стеснительная, а все эти айдолы харизматичны и уверены в себе...

Шокированная, я не могу вымолвить и слова. Никогда еще слова не ранили меня так сильно. Папа встает на ноги.

– Кэндис, я тоже не слишком уверен. Я много читал обо всех этих компаниях. В индустрии так много коррупции, случаев жестокого обращения с трейни... все эти рабские контракты, нечеловеческие нагрузки...

Я даже не слышу доводов отца – настолько я зла на мать.

– Ты виновата в том, что я не уверена в себе! – говорю я, одновременно утирая слезы. В этот момент сказанное кажется чистой правдой. – Ты забрала у меня единственную страсть, единственное, что делало меня особенной среди других. Разве так не поступают с теми, кого ненавидят? Ты зла на меня за то, что ты так и не смогла стать певицей!

От шока мама приоткрывает рот. Она кажется разбитой. Я быстро отгоняю мысли о том, что сказала лишнее.

– Кэндис, это уже слишком, – прерывает нас папа. – Поговорим позже.

– Отлично!

Я врываюсь в комнату, захлопываю дверь, ложусь на пол и придерживаю ее ногами. Кто-то пытается войти, но я еще больше напрягаю ноги. Стук.

– Кэндис, открой дверь, – голос мамы предельно тих и нежен.

– Вот же дура.

Наверняка однажды я пожалею о сказанном. Глядя в потолок, осознаю, что зла вовсе не на маму – я зла на себя. Дело ведь не в альте, не в желании попасть в хор или уехать в Корею. Дело в умении быть честной с собой. Дело в храбрости.

Бью ногой о дверь и кричу еще громче:

– Какая же дура!

Глава 5

Глаза луциана

На ужин того же дня мама готовит твендьян-тиге (корейский суп на основе корейской соевой пасты твендьян) и несет кастрюлю к столу голыми руками – вероятно, вместо кожи у нее драконья чешуя. Я хотела извиниться, но помнила: я в первый раз заявила о чем-то и не собираюсь отступить.

Папа выносит целого и еще дымящегося маринованного красного луциана.

Кто-то сочтет происходящее отвратительным, но мы с Томми всегда буквально воюем за рыбы глаза. Еще в детстве мама сказала нам, что съеденный рыбий глаз приносит удачу (в действительности у него полностью отсутствует вкус). Сегодня вечером я не оказываю никакого сопротивления. Томми палочками захватывает глаз и отправляет его в рот.

Все поедают суп, пока я сижу без движения. Мама и папа хвалят Томми за успехи в игре. Кому какое дело. Я же молча восседаю за столом и смотрю по сторонам.

– Да что с тобой не так? – спрашивает брат. – Ведешь себя странно – куда страннее, чем обычно.

Я, как и мама, какое-то время сохраняла молчание. Но вдруг решила прервать тишину.

– Проблема в том, что родители препятствуют моему успеху и разрушают всю мою жизнь!

– Вау, драма, – отвечает Томми. Он захватывает ложкой огромный кусок рыбы и проглатывает его. – Что случилось?

– Впервые за всю жизнь я прислушалась к себе и приняла участие в отборе мемберов для женской группы вроде SLK, преодолела несколько раундов и стала единственной выбранной из тысяч конкурсантов, а мама все никак не позволит мне отправиться в Корею и попытаться счастья!

Томми замер, так и не донеся ложку риса до рта.

– Seriously?

За столом тишина. Глаза сами по себе наполняются слезами, а щеки горят. Какой стыд! Как же невыносимо видеть лица всех членов семьи, которые в курсе моего желания стать айдолом!

– Сушая глупость, я знаю.

– Подожди-ка, – останавливает меня Томми. – Корейский звукозаписывающий лейбл прислал своих представителей для проведения прослушиваний. Пришла куча людей, а они... выбрали только тебя? Одну-единственную?

– Сумасшествие, правда? – с трудом сдерживаю слезы.

– Ну не знаю... Думаю, это круто! – заключает брат.

– Честно? – в шоке я уставилась на Томми.

– Ну да, – он лишь пожимает плечами. Брат уже успел проглотить половину ужина, что по размерам эквивалентна корги. – То есть, я не удивлен. Ты хорошо поешь.

– Seriously?

Наверное, это первый комплимент от Томми за все пятнадцать лет моей жизни.

– Типа того, все в курсе. Плюс, я же слышу тебя через стенку. Эта твоя песня... Ожидания и что-то там... немного нелепо, но многим людям такое нравится, за это платят деньги. Ну не так уж и многим, конечно.

Мама вдруг приходит в себя.

– Не надо поддакивать в поддержку этого нонсенса. Корейские музыкальные компании – зло во плоти, они способны разрушить жизнь. Большинство из них даже не платят айдолам, а те пашут и пашут!

Имани подготовила меня к подобным дебатам.

– Компании давно пересмотрели свою политику. Тем более, SAY – один из крупнейших лейблов Кореи и может позволить себе платить айдолам вовремя. Просто глянь на SLK.

Мама поджимает губы.

– Кэндис, ты талантлива. Я всегда это знала. Но почему пение не может остаться твоим хобби? Знаешь, насколько тебе повезло, раз ты всего лишь должна усердно учиться в школе? Твоих знаний и умений хватит, чтобы построить хорошую карьеру – такого шанса не было у нас с твоим отцом.

Мама необычайно грустна. У нее свои представления о ценностях. Хочется признаться ей, что несмотря на все сказанное вчера, я ценю ее вовсе не за работу в магазине. Она самый дорогой для меня человек: ведь она моя мама.

Она вновь хлопает по столу, а выражение лица преобразается, став по-привычному уверенным.

– Суть в том, Кэндис, что пение не поможет тебе в будущем – это не как спортивные успехи Томми, что имеют вес при поступлении в колледж и получении работы. Я и твой папа всю жизнь работали, чтобы вы могли стать полноценными членами общества, уважаемыми за свой труд. Такой возможности мы были лишены.

Папа выглядит грустным, сидя со спокойной улыбкой на лице. Он накрывает мамину ладонь своей.

– Ёбо, – говорит он. Слово значит «дорогая» по-корейски. – Мы ведь не поэтому корячимся в магазине. Мы работаем, чтобы Томми и Кэндис были счастливы. Вот чего именно мы были лишены.

Я кусаю губу в попытке сдержать слезы. Томми неловко похлопывает меня по плечу, продолжая есть. Впрочем, этим сейчас занят он один.

– Кэндис, не плачь, – говорит мама. – Глянь на меня. Это и в самом деле твоя мечта?

Я киваю. Даже всхлипывая, отвечаю аргументом.

– Мамуля, дай мне это лето. SAY Говорят, что до дебюта осталось меньше трех месяцев. Если меня не выберут, а так и случится, я...

– Нет, выберут, – перебивает меня мама. – Конечно, выберут. Кого, если не тебя?

Слезы льются из глаз. Я совершенно не верю в услышанное и в шоке смотрю на маму.

Папа встревает.

– Безусловно, у Кэндис есть талант.

– Ну все, все, давайте успокоимся, – говорит Томми.

– Но, Кэндис, ты так много не понимаешь в корейской культуре и нравах. В этом нет ничего страшного, ведь ты американка, – говорит папа. – Молодым людям очень сложно в Корее, если только они не богачи или невероятно умные ребята, что попадают в топовые университеты. Потом, даже после колледжа, тысячи ребят учатся по пятнадцать часов в сутки, чтобы сдать невероятно сложные экзамены. Лишь те единицы, которым это удалось, могут претендовать на работу в крупных компаниях. Соревнование за место будет сложным. Ты будешь удивлена, на что способны ребята в битве за право дебютировать. Для них звание К-рор-айдола не просто мечта. Это их единственная надежда.

– Я сделаю все возможное. Буду работать так, как никогда раньше!

Мама вновь берется за палочки.

– Я еще не дала утвердительный ответ. Лучше бы нам поговорить с кем-нибудь из SAY.

– Да-да! – с энтузиазмом киваю и не могу сдержать улыбки, когда впервые за двадцать четыре часа кладу еду в рот.

Глава 6

Новый мир

После всей драмы, наполненной криком и слезами, едва я сообщила родителям о своих намерениях, все стало развиваться поразительно стремительно. Мама и папа еще не сказали свое «да», но они часами общаются с менеджером Кон через KakaoTalk, сидя за кухонным столом, пока я в это время пытаюсь подслушать их из гостиной. Каждый раз после длительных бесед они отмечают, насколько добра и отзывчива менеджер. Если честно, это немного смущает – у меня она вызывает несколько иные эмоции. Они также были обрадованы, узнав об отсутствии строгих диет и принуждения к пластическим операциям.

Наконец из SAY прислали контракт для ознакомления. Оба родителя, особенно мама, ненавидят иметь дело со всеми этими бумажками, а контракт содержал в себе страниц так семьдесят. Мама обратилась к знакомым из церкви в поисках юриста в Корее. Оказалось, брат жены кузена мисс Мин, мамы моей подруги Джинни, разбирается во всех этих сложных контрактах. Мама связалась с ним через KakaoTalk и упросила глянуть бумаги – он с радостью согласился: ведь речь шла о такой большой компании, как SAY. Контракт оказался стандартным: да, лейблу будет принадлежать все мое время, пока я являюсь трейни, но на этом все, никаких замечаний мелким шрифтом.

Что беспокоит родителей, так это уточнение в контракте – SAY могут отложить утверждение состава, и тогда мне придется задержаться в Корее. Мама с папой настаивали на просмотре условий: они хотели, чтобы я вернулась домой, если решение не будет принято до 28 августа.

Они допоздна беседовали с менеджером Кон и корпоративными юристами. Те напрочь отказывались от внесения изменений – это первый подобный прецедент. Родители уперлись и грозили отказом.

SAY исчезла с радаров на целую неделю. Папа отправлял менеджеру Кон сообщения, которые та игнорировала. Если честно, на душе стало легче. Теперь я смогу рассказывать, как *почти что* стала К-рор-айдолом в компании SLK, но мои родители и лейбл не пришли к согласию. Мысль о том, что мне не придется ехать в Сеул и все останется на своих местах, что мой талант по-прежнему при мне, а я на самом деле понравилась SAY, почему-то успокаивала.

Но во мне все еще сохранялся задор. На каждый вопрос родителей, действительно ли я хочу рискнуть, я отвечала утвердительно. Наконец, в воскресенье утром, SAY опять вышли на связь. Не успевшие переодеться после визита в церковь родители сидели перед камерой.

– SAY готова согласиться на ваши условия с одним лишь но: если Кэндис уедет раньше, чем будет утвержден состав, вы должны будете возместить затраты на тренировки в объеме десяти тысяч долларов. Мы не вправе запретить покинуть компанию раньше – конечно, если Кэндис будет недовольна условиями или отношением к ней, она может уехать сразу же. Мы лишь хотим удостовериться в серьезности ваших намерений. Это и в самом деле мечта Кэндис?

Я была шокирована. Подобное развитие событий нельзя было и представить.

Мы детально прорабатываем план действий – точнее, я просто сижу с открытым ртом. В день моего последнего экзамена мы с мамой улетим в Сеул, где она заселится в предоставленные апартаменты, а я – в общежитие. В течение всего времени мама сможет заботиться о дедушке, чье состояние ухудшается: скорее всего, его поместят в госпиталь. Весь первый месяц мне будет запрещено покидать тренировочный кампус даже ради встреч с мамой. По истечении месяца я смогу отлучаться каждую субботу и воскресенье. Все это время дома папа будет присматривать за магазином с помощью Томми, который останется в Нью-Джерси ради футбольного лагеря.

– Ну как, ты довольна? – спрашивает папа.

Слезы сами текут из глаз.

– Да, это моя мечта!

Родители удивлены моей реакцией.

– Так чего же ты плачешь?

– Я плачу, потому что счастлива! – это не совсем правда. Я плачу, потому что тронута их готовностью пойти на все ради меня. Плачу, потому что мне стыдно, ведь я думала, что мама безразлична ко мне.

Мама огибает стол и обнимает меня.

– Мы хотим, чтобы наша Кэндис была счастлива!

Всю следующую неделю я страдаю от панических атак – на какие жертвы моя семья решилась пойти ради моего блага! Родители идут против собственных установок, отказываются от «американской мечты», и все из-за моих желаний. Я благодарна и в то же время чувствую себя виноватой, плачу ночами напролет. Наверняка, мама согласилась еще и ради дедушки. Ужасно, что он в таком состоянии, но, может быть, это стало основной причиной ее согласия. Чувствую себя ужасно.

Я готовлюсь к переводным экзаменам так, как никогда раньше, и сдаю все на отлично, даже математический анализ, который вызывал наибольшие опасения. Получаю высший балл по биологии и литературе. Подрабатываю в магазинчике. Даже практикую игру на альте, чтобы показать родителям, насколько же я благодарна.

Перед тем как отправиться в Парагвай для участия в волонтерской программе, Имани рассказывает мне все об истории К-поп, начав с хип-хоп-эры девяностых, рассвета Н.О.Т, S.E.S. и Shinhwa. Теперь я каждый вечер смотрю корейские драмы вместе с родителями, чтобы подтянуть корейский – прежде никакие уговоры не могли заставить меня заняться подобным.

Когда SAY прислала список из пятидесяти песен, которые мне следует знать (двенадцать из них принадлежат американским исполнителям, хвала небесам – есть даже парочка песен Арианы Гранде), мама помогала мне выучить слова.

– Ты должна понимать значение каждого слова, чтобы произвести должное впечатление! – говорит она, пока мы вместе разбираем текст дебютной песни Girls' Generation «Into The New World» 2009 года. – Эта песня рассказывает о начале собственного пути, длинного и неясного, и призывает двигаться вперед, с сердцем, полным надежды и любви.

– Ого, правда? – удивляюсь я, узнав, что песня является своеобразной классикой среди женских групп. Имани показывает мне клип, в котором десять милых и улыбчивых девушек, внешне напоминающих учениц школы, задорно исполняют поп-композицию. Я и подумать не могла, что смысл настолько глубок.

– Вспоминай о глубоком значении этих слов, особенно, когда переходишь к припеву, – советует мама, а после начинает петь.

Поразительно. За всю жизнь мне лишь пару раз удавалось услышать мамино пение – даже во время церковной службы она скорее шепчет слова. Ее голос глубок, он буквально окутывает слушателя и оставляет мурашки по всему телу. Как же я рада, что она готова пройти весь этот путь со мной – прямо как в песне.

В тот же момент в магазин заходит уставшая девушка: она просит средство от головной боли и баббл-ти. Мама обслуживает ее, как ни в чем не бывало.

В аэропорту Ньюарка нас провожают папа, Томми, Итан и Имани. Лучше бы они не трагичили на это время! Что, если все обернется катастрофой, и я вернусь уже через неделю, опозоренная? Давайте помнить, что у меня ужасный корейский и танцую я никудашно!

А вдруг меня возьмут, что еще страшнее? Неужели мне придется поступить в международную школу? Неужели я еще не скоро увижу собравшихся здесь?

После того как мы сдали багаж – два огромных чемодана, один из которых целиком наполнен сувенирами для родственников, вроде кофе из Старбакса, мультивитаминов и батареек – пришло время прощаться. Томми наклоняется ко мне, чтобы обнять. Как и всегда, от него пахнет дезодорантом.

– Ну что, вернешься каким-нибудь К-рор-монстром?

– Наверняка, – отвечаю я.

Друзья приготовили для меня подарки. Имани передает мне тетрадку с надписью «К-рор-словарь Имани», целиком украшенную стикерами и блестками.

– Раз уж у тебя не будет доступа в интернет, это твой К-рор-Google, но с моим вмешательством!

Итан вручает мне пенал, покрытый фотографиями SLK, BLACKPINK, QueenGirl, Twice, 2NE1 и Girls' Generation.

– Это поможет сфокусироваться и визуализировать твои желания!

– Как я выживу без вас? – моргаю часто-часто, чтобы сдержать слезы.

– Ой, все просто, – отвечает Имани. – Каждый раз, проходя через испытание, задавайся вопросом: «А как поступила бы Имани?»

– И затыкай своего внутреннего забастовщика! – напоминает Итан.

Имани смотрит на меня взглядом, полным гордости.

– Ну что, обнимемся?

Мы прижимаемся друг к другу, соприкоснувшись лбами. Я буду скучать по этим двоим.

Теперь пришло время прощаться с папой.

– Потрудись там, но не перетрудись! – шутит он и щелкает меня по носу. – Говорят, они у нас одинаковые. Повеселись и узнай много нового, хорошо?

– Конечно, папа!

Я вешаю на плечо гитару, а потом мы с мамой поднимаем с пола ручную кладь – половину моей сумки занял Мулькоги – и идем к эскалаторам. Я оборачиваюсь, глядя на команду провожающих, и мое сердце сжимается. Имани вместе с Итаном прыгают на месте, показывая пальцами «V», будто они настоящие К-рор-фанаты. Томми приобнял папу, утирающего слезы рукавом. Внезапно мама крепко хватает меня за руку – кажется, она колеблется.

– Кэндис, – ее дыхание сбилось, – ты же говорила, что это станет подходящим материалом для эссе, верно? Я же поступаю правильно, раз отпускаю тебя? Ведь так?

– Конечно, мам, – одариваю ее улыбкой и пытаюсь выглядеть максимально уверенной. – Я справлюсь.

Глава 7

Повсюду корейцы

Прошел лишь час моего пребывания в Сеуле, а мозг уже готов взорваться. Мама сходит с ума от перенапряжения – ее потряхивает во время поездки по длинному мосту из аэропорта Инчхон, от смога, от виднеющегося города. Она произносит раз за разом.

– Как же все изменилось с моего последнего приезда...

Я же не могу успокоиться, насколько все вокруг *корейское*. Кругом корейцы, одни корейцы. Наш район Нью-Джерси славится большой корейской диаспорой, одной из самых больших в США, но я все равно выросла с мыслью о том, что везде останусь в меньшинстве, куда бы ни пошла. Здесь же все наоборот. Мы проезжаем через знаменитый район Каннам – прямо как в песне PSY! Кругом билборды с божественно красивыми и улыбающимися женщинами, что рекламируют косметику, соджу или услуги пластической хирургии.

А потом я вижу его.

– Мам, смотри! – кричу я, указывая куда-то в небо.

На огромном LED экране, расположенном прямо на здании небоскреба, крутится рекламный видеоролик с участием Оне.Д. Парень кажется просто гигантским! Оне.Д подмигивает и одаривает меня ослепляющей улыбкой, которая буквально сжигает мою сетчатку глаза. Кажется, мои внутренности только что превратились в нежный, сливочный замороженный йогурт. Кто-то вообще способен с ним сравниться?

Мама лишь приговаривает.

– Все сходят по нему с ума...

Я вижу группы ребят, одетых в школьную форму. У большинства из них классическая стрижка под горшок. Они смеются и переговариваются друг с другом. Интересно, о чем они болтают? Может, об айдолах или о придирчивых преподавателях – все так же, как и у нас с друзьями? Они выглядят точь-в-точь как я, но все же кажутся другими. Если бы все сложилось иначе, я могла бы быть одной из них.

Наконец мы подъехали к маминым апартаментам. Они, конечно, оказались не столь шикарны, как квартиры на Каннаме. Я была уверена, что квартира, представленная SAY, будет лучше, чем невысокие серые здания, окруженные смогом. Внутри малюсенькая спальня, места нет даже для обеденного стола. Что ж, по крайней мере выглядит уютно.

Только стоило нам поставить сумки, как мама заговорщически хлопает в ладоши.

– Вот мы и приехали! Куда пойдем первым делом? Заглянем в какое-нибудь популярное кафе? Корея славится подобными местечками. Или займемся шопингом на Мендоне? Можем глянуть на дворец Кёнбоккун. А можем еще поехать в Lotte World! Как тебе такой вариант?

Признаюсь честно, мне ничего не хочется. Я лишь надеюсь выучить пятьдесят песен для SAY и никуда не отходить от мамы – наверное, нам стоит проведать дедушку, который теперь лежит в больнице. Меньше чем через сутки я отправлюсь в агентство. Менеджер Кон без устали пишет в КакаоTalk, напоминая, что я упускаю драгоценное время тренировок.

Мама приятно удивлена.

– Мы в таком городе, а ты хочешь скорее проведать дедушку? Какая добрая внучка!

Прежде чем отправиться в больницу, мама приводит волосы в порядок и наносит помаду, а меня заставляет переодеться – это наша первая личная встреча с дедушкой за столь долгое время. Спустившись в метро, мы доезжаем до госпиталя, наполненного приветливыми медсестрами и занятыми докторами, снующими туда-сюда. Все еще не могу поверить, что меня в самом деле окружают одни корейцы, как бы глупо это ни звучало.

Стоило нам зайти к дедушке, как он воскликнул.

– Это вы?!

Мама бросается к нему и осторожно обнимает, чтобы не задеть трубки, идущие в нос.
– Папочка! – отвечает она уже не в силах сдержать слезы.

Дедушка лишь посмеивается.

– Ну и чего ты расплакалась? Я так рад видеть вас обеих.

После этих слов он поворачивается ко мне. Белки его глаз приняли пугающий желтый оттенок, но его улыбка по-прежнему источает энергию. Мы проходим через наше традиционное «Кто же я такой?», что обычно звучало через телефон. Сейчас же я отвечу ему лично: «Ты мой дедушка! А я Кэндис!» Мама рассказывает все про Томми с папой и причинах нашего приезда: говорит, что дочь мечтает стать певицей. Дедушка удивлен услышанным.

– Ого! Прямо, как твоя мама! Ты же знаешь, что твоя мама – лучшая певица на свете?

Мама кажется смущенной.

– Пап, что ты, прекрати!

Он просит.

– Кэндис, милая, спой что-нибудь для дедушки!

Я лишь неловко смеюсь. Не очень-то люблю оказываться в подобном положении, но лучше уж привыкать, раз я решила стать К-роп-трейни. Да и как отказать любимому дедушке? Закрываю глаза и начинаю петь «Into The New World».

У дедушки глаза на мокром месте.

– Ох, как чудесно! И ты даже спела на корейском. Да, талант у тебя в крови. Ты определенно станешь знаменитой, детка. Я уверен.

Дедушка кивает в подтверждение сказанному, пока я благодарственно кланяюсь. Хоть бы людей в SAY было бы так же легко впечатлить.

После бессонной ночи наступил новый день. Мы с мамой обе непривычно тихи. Во время завтрака она поинтересовалась, чего бы мне хотелось на обед, даже предложила приготовить что-нибудь особенное, например сразу несколько любимых блюд или даже сходить в ресторан. Но я лишь отказываюсь, не способная справиться с нервами.

– Что насчет китайской черной лапши? – спрашиваю я.

Мама утвердительно кивает.

Я начинаю складывать одежду в дорожную сумку, но мама достает вещи обратно.

– Аккуратнее, – говорит она. Мне хочется возмутиться, но я вовремя останавливаюсь – совсем скоро я начну тосковать по ней.

– Ой, чуть не забыла! – говорит она и убегает на кухню, откуда чуть позже приносит якква, сложенные в пластиковый пакет с бантиком.

– Так и не смогла уснуть ночью, в конце концов решила провести время с пользой. Вот, твои любимые!

Пакет она кладет на самое дно, под одеждой.

– Думаю, не смогу их есть, – говорю я, вспомнив о словах Имани насчет строгих диет.

Мама лишь отмахивается.

– Просто скажи, что печенья напоминают тебе о доме. Уверена, они войдут в твое положение.

Я вытаскиваю выпечку из сумки и кладу прямым внутрь гитары – там их никто не найдет.

Мы покидаем апартаменты – я несу гитару, а мама взяла мою сумку. Всю дорогу в метро наши руки крепко скреплены.

Стоило нам выйти со станции Хондэ, я понимаю, что мы оказались в модном районе. Кругом одна молодежь: влюбленные парочки, доставщики, разъезжающие на мопедах, тематические кафе – даже заведение, посвященное какашкам, бутики с косметикой, магазины с музыкальными пластинками, уличные певцы.

Кафе с лапшой было обнаружено сразу же – их около семи только на одной улице. Мы с мамой едим молча, не в силах поднять друг на друга глаза.

Я уткнулась в телефон: Имани прислала ссылку на статью прямиком из Парагвая. Оказывается, участница моей любимой группы QueenGirl попала в скандал, и весь К-роп-фондом сходит с ума: «Исылъ из Queengirl встречается с Хэнтэком из Rubikon».

Печатаю в ответ.

– Кому какое дело!

За короткий период увлечения К-роп одного я так и не поняла: почему всем есть дело до личной жизни айдолов и почему отношения приравниваются к скандалу. Я пролистываю статью на Kogeooboo: автор уверен, что будущее QueenGirl и Rubikon становится туманным. Исылъ и Хэнтэка поймали на прогулке, пока ребята держались за руки. Они оба до ужаса привлекательные, осознанные взрослые люди, а QueenGirl – одна из самых успешных женских К-роп-групп. Так в чем проблема?

Мама возвращает меня к реальности.

– Пусть мы и не сможем увидеться в течение целого месяца, помни: нас разделяет лишь одна остановка на метро. Время пролетит незаметно, ты наберешься опыта и заведешь новых друзей. Даже соскучиться по мне не успеешь!

Мама кивает после каждого произнесенного предложения. Кажется, она скорее успокаивает себя.

Потом мы идем на Санам-дон. Офис SAY Entertainment нетрудно найти. Я ожидала чего-то грандиозного, но здание представляет собой остекленную высотку, ничем не выделяющуюся среди остальных небоскребов.

В горле застрял ком, и я, кажется, целиком утратила способность говорить. По лобби кружили мужчины и женщины в дорогих деловых костюмах, все что-то печатали в своих смартфонах. Десятки экранов демонстрировали динамику акций, вырезки из шоу и дорам, клипы SLK. Перед Café Tomorrow выстроилась огромная очередь.

Из толпы вырвалась женщина и направилась прямиком к нам.

– Кэндис?

Сперва я ее совсем не узнала. Оказалось, это была менеджер Кон. Мама издала удивленный возглас, мы обе приветственно поклонились. На лице менеджера не было ни капли макияжа, но ее кожа сияла. Мисс Кон была одета в стильный черный спортивный костюм и кепку, на всех предметах одежды красовался логотип SAY.

– Добро пожаловать, Кэндис, миссис Пак. Все в порядке? Кэндис, ты готова?

Нет. Я совсем не готова.

– Менеджер Кон, у нас есть минутка? – спрашивает мама.

– Конечно, – улыбка на лице сотрудницы рассеивается, стоит ей сделать шаг в сторону и начать яростно тыкать в экран телефона.

Мама заключает мое лицо в ладони.

– Детка, – она с трудом сдерживает слезы, как и я, – я хочу тебе кое-что сказать. – Она вглядывается в мои глаза, готовая вот-вот расплакаться. – Если кто-то тебя обидит или будет плохо относиться, пожалуйста, найди способ сообщить об этом мне, хорошо?

Я пытаюсь вырваться, не хочу дать волю эмоциям посреди лобби, но мамина хватка становится лишь сильнее.

– Я надеюсь, они понимают, что наши с папой сердца остаются в этом здании. Они должны относиться к тебе как к особенной девочке. Ведь ты такая и есть.

– Ну все, мам, – я вырываюсь из ее объятий и поднимаю сумку. Если не уйду сейчас, то впечплюсь в нее, как в первый день школы. – Все будет хорошо. Я люблю тебя!

Мама нервно поправляет волосы, пока я иду к менеджеру Кон. По ее карточке, что болтается на шее, мы проходим внутрь. Она объясняет охране, что я новая трейни, а мне говорит, что я должна сдать телефон до того, как подняться наверх. Перед тем как стать заключенной.

Я передаю телефон как нечто драгоценное. Буду скучать по эпизодам «Друзей» и «Queer Eye», что смотрела в течение четырнадцатичасового перелета. Пока охранник осматривает содержимое сумки – роется в личных вещах, одежде и нижнем белье, – я задерживаю дыхание. К счастью, он не додумался заглянуть внутрь гитары. Забрав мобильный, он исчезает в темном помещении, а я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на маму еще раз. Она кажется единственным живым человеком среди всего лобби, стерильного, как космическая станция, с многочисленными мониторами и лампами. Ее глаза на мокром месте, а руки прижаты к груди.

Я делаю шаг внутрь лифта с зеркальными стенами. Менеджер Кон нажимает кнопку девяносто восьмого этажа. Я забиваюсь в угол, представляя, как мама вернется в тесную темную комнатку. С трудом сдерживаюсь, чтобы не расплакаться.

– Не грусти ты так, – голос менеджера Кон абсолютно безэмоционален. Она смотрит на мое отражение в зеркале. – Лучшее, что мы можешь сделать для своей семьи, – стать кем-то значимым. За этим ты сюда и приехала.

Часть II

Жизнь трейни

Глава 1

Онни

Выход из лифта на девяносто восьмом этаже украшен гигантским логотипом SAY вместе с индивидуальными фотографиями мемберов SLK, помещенными в рамку. Портрет One.J расположился ровно по центру. На секунду я забываю обо всем – от взгляда One.J в животе оживились бабочки. Стоило мне пройти прослушивание и заинтересоваться К-рор, как One.J тут же стал моим любимчиком – биасом. Сама идея, что я брожу по коридорам организации, выросшей и прославившей One.J, кажется чем-то невероятным.

Отмахиваюсь от мыслей и догоняю менеджера Кон, ведущую меня мимо застекленных офисов и конференц-залов. Внутри них суетятся стильно одетые сотрудники компании. Здание очень красиво, и это неожиданно – Имани рассказывала, что порой даже в топовых компаниях ребята вынуждены тренироваться в зашоренных полуподвальных помещениях. Менеджер Кон, должно быть, заметила мое восхищение и решила ответить на мой вопрос прежде, чем я его задам.

– Мы часть компании ShinBi Unlimited, поэтому нам и досталось такое шикарное здание. Тебе повезло попасть именно в SAY, а не куда-то еще.

Она объясняет, что ShinBi Unlimited владеет сотнями компаний: телевизионными центрами, сетями продуктовых магазинов, киностудиями, марками по производству товаров для дома и так далее. В их собственности даже предприятия по производству танков и боеприпасов для корейской армии. Офис и тренировочный центр SAY заняли три последних этажа штаб-квартиры холдинга, потому что, по словам менеджера Кон, трейни – самый ценный актив ShinBi. И не потому, что индустрия развлечений приносит самый большой доход! Айдолы, в особенности SLK, являются лицом Кореи и представляют ее культуру по всему миру.

Меня не слушалось собственное тело. Я думала, работа айдола – это петь приставучие песенки и сниматься в красивых клипах, а не работать на многомиллиардную корпорацию и всю страну!

– Вот почему наши стандарты так высоки, – продолжает менеджер Кон. – Главное правило – никаких отношений. Ни с другими трейни, ни с посторонними людьми, ни с кем.

– Я все понимаю, – неловко отвечаю, пока преодолеваю очередной пост охраны.

Менеджер Кон продолжает.

– В Корее К-рор-айдолы принадлежат своим фанатам, своей стране. Воспринимай это как длительные личные отношения с каждым членом аудитории. Это не Голливуд, где скандалы и красочная личная жизнь привлекают внимание. Представь, что одна новость об измене всей нации способна разрушить не только твою репутацию, но и репутацию группы, целой компании. Следует сохранять лицо.

Ого. Значит, корейцы относятся к своим кумирам со всей серьезностью. Теперь ясно, почему все сходят с ума от новостей об отношениях Исылъ и Хёнтека.

Запрет на отношения меня не сильно-то и волнует. Я даже и не встречалась ни с кем! Ну если не считать ту неделю экспериментальных отношений с Итаном – после он заявил о своей нетрадиционной ориентации. Раз я окажусь запертой в женском общежитии на три месяца, переживать не о чем.

– Это этаж SAY, здесь расположены офисы. Сюда ты будешь приходить на занятия корейским, встречи и ежемесячную оценку. Также здесь тренируются младшие трейни.

Мы останавливаемся напротив просторного репетиционного зала, наполненного десятками милых ребятишек, оттачивающих танцевальные движения. Серьезно, они все выглядят словно модели!

– Дети посещают школу и живут с родителями. Многие из тех, с кем ты познакомишься, тоже когда-то были такими. Двумя этажами выше живут и тренируются старшие трейни. Территория разделена на два крыла – для мальчиков и для девочек. У вас отдельные лестницы, лифты, собственная охрана. Даже не пытайся проникнуть из одной части в другую, это невозможно. Представь себе два куска тофу, разделенные ножом ровно посередине.

Я послушно отзываюсь.

– Все понятно, менеджер Кон.

– Видеться с мальчиками вы будете лишь на занятиях по корейскому, и то под присмотром учителя Ли, который славится своей строгостью. Все ясно?

– Конечно!

Чтобы успокоиться, приветственно машу одной из малышек-трейни – очень уж она занята танцами. Ее лицо озаряет улыбка, и вместе с друзьями она бежит к стеклянной стене, энергично приветствуя меня. Сердце сжимается от увиденного.

Менеджер Кон улыбается.

– Ну разве не милашки? Они уверены, что ты какая-то важная шишка.

Махнув рукой на прощание, следую за мисс Кон – мы проходим через дверь, лишенную каких-либо опознавательных знаков.

– За дверью спрятано то, что мы называем «Фабрикой грез». Именно здесь команда, состоящая из лучших стилистов, художников по костюму, сет-дизайнеров и других художников, работает над созданием концептов для новых видеоклипов и мировых туров. Это касается SLK и двух еще не успевших дебютировать групп. На этих людях лежит ответственность за умение восхищать фанатов, представлять не виданные ранее концепты.

Киваю в ответ на ее слова.

– Ого!

Мы поднимаемся вверх по лестнице. Информации так много, что голова идет кругом.

– У нас пятьдесят мальчиков-трейни, мечтающих войти в состав SLK 2.0, и столько же девочек. И это после того, как мы отсеяли сотни людей. Девочки поделены на десять групп, по пять в каждой. Каждая команда обладает характеристиками, подходящими для финального состава, но гендиректор Ян выберет лишь лучших из лучших. Каждый месяц проходят просмотры, после которых СЕО принимает ключевые решения.

Металлическая дверь, перед которой мы останавливаемся, напоминает вход в банковское хранилище или в один из отсеков подводной лодки. Единственное отличие: она окрашена в розовый цвет и пронумерована цифрой 99. Я произношу цифру по-корейски и понимаю, что слово созвучно выражению «девушки-практикантки». Или же «девушки-трейни». Менеджер Кон прикладывает ID, а я помогаю ей открыть невероятно тяжелую дверь.

– Ты будешь в команде номер два, тебе повезло, – говорит менеджер. – Никто не удивился бы, выбери мистер Ян для дебюта именно эту группу еще месяц назад! Девочки очень талантливы и красивы. Но потом одна участница покинула коллектив.

После сказанного менеджер Кон заметно меняется в лице.

– Покинула? Что произошло?

Женщина лишь отмахивается.

– Забудь. И все же, вместо того, чтобы перемешать группы, я решила добавить новую трейни. Девушки знают, что выделяются среди остальных. Я постаралась найти кого-то равного им.

Ничего не понимаю. Почему она вдруг решила, что я смогу тягаться с лучшими?

– Тебе, и правда, очень повезло. Я отвечаю за все пять групп, поэтому не смогу следить за всем происходящим. Ты будешь макнэ, так что учись у более опытных онни. В группе, помимо тебя, есть еще одна девочка из Америки.

Прежде чем я успеваю задать очередной вопрос, мы попадаем в общежитие группы номер два. Внутри лишь пара двухъярусных кроватей и одна обычная, никаких окон. Кажется, внутри разорвалась бомба, потому что кругом валяется одежда, нижнее белье, уходовая и декоративная косметика.

Посреди кучи вещей сидят три создания – самые красивые из всех, кого я когда-либо видела. Они вскакивают на ноги и приветствуют менеджера Кон.

– Девочки, прошу внимания! – говорит менеджер. – Поздоровайтесь с Кэндис Пак, новым членом вашей команды.

Я вежливо здороваюсь с девочками, отвесив поклон на девяносто градусов.

Девочка, сидящая в углу и напоминающая персонаж из мультика, приветливо улыбается. Ее глаза ярко подведены, волосы, покрашенные в розовый с голубым, убраны в два хвостика. Внимание на меня обратила и девочка с черной помадой, надпись на чьей кепке гласит Powder Pup – именно ей и принадлежит стандартная кровать. Наверное, самая красивая девочка из всех, чьи длинные локоны покрашены в клубничный блонд, едва различимо произносит:

– Привет.

– Кэндис – ваша макнэ, ваша младшая сестра, она будет многому у вас учиться. Наверняка, вы воспринимаете ее как соперницу, но вам же лучше, если будете для нее хорошими онни. Поняли?

Девочки отвечают в унисон.

– Да, менеджер Кон!

Та оглядывает комнату.

– А где Арам?

– Она красится, – девочка в кепке ухмыляется и закатывает глаза, кивнув головой в сторону двери на другом конце комнаты.

Менеджер Кон также закатывает глаза.

– Ну конечно. Так вот, через десять минут будьте в репетиционной комнате номер двадцать четыре. Будьте милашками с Кэндис. И, пожалуйста, уберитесь здесь!

Менеджер Кон оставляет меня наедине с онни. Мне так страшно, что я не в силах пошевелиться.

– Вот твоя кровать, – девочка в кепке указывает на второй ярус, прямо над принцессой с клубничным блондом. Никогда бы не подумала, что койка не занята: на ней валяется куча каких-то вещей.

Я благодарственно киваю. Неловко кланяться девчонкам на пару лет старше меня. Дома я использую вежливый корейский лишь в общении с ровесниками родителей, и то они не очень-то и строги. Мама с папой предупредили меня, что здесь надо использовать вежливые формы и обращаться к старшим участницам «онни». Никто не закроет глаза на грубость лишь из-за того, что я иностранка.

Я залезаю на лесенку и аккуратно снимаю вещи с кровати.

– Прости, пожалуйста, это не твои вещи? – мягко интересуюсь у принцессы.

Она даже и не смотрит на меня. Сидит себе на кровати, вытянув свои идеальные бледные ножки, и изучает ногти, напоминающие кошачьи когти, окрашенные в неоновые цвета.

Я прокашливаюсь.

– Онни, могу я переложить вещи?

Тишина. Рядом с кроватью принцессы я замечаю семь книг о Гарри Поттере плюс «Искусство пофигизма» и «Искусство уборки». Должно быть, это и есть та самая девочка из Америки.

Наверное, будь мы ученицами одной школы, она бы не здоровалась со мной в коридоре, но я не могу не обрадоваться, что нашла землячку, с которой могу говорить по-английски. К тому же, она обожает книги о волшебниках!

Указываю пальцем на книгу об уборке и обращаюсь к ней на английском.

– Я тоже ее прочла. Если тебе не сложно, приберись, пожалуйста, чтобы я могла разложить свои вещи.

Нервно хихикаю над собственной шуткой. Красавица недовольно смотрит на меня.

– Прости, ты со мной разговариваешь? – говорит она на корейском и вытаскивает наушники. Я даже и не заметила их, спрятанные под шикарными локонами.

– Да-да, прости! У тебя хороший литературный вкус. Я тоже все это прочла, Гарри Поттер просто супер!

Она отшатывается, словно я какой-то инопланетянин.

– Ты ко мне на английском обращаешься?

Запинаясь, перехожу на корейский.

– Прости! Я просто увидела твои книги и решила...

– Тебя, что, американцы из детского дома забрали? – она нахмуривает брови. – У тебя такой... странный акцент.

– Нет-нет! – чувствую, как щеки горят. – Я из Штатов, но мои родители корейцы. Живы-здоровы!

Девочка в кепке вмешивается в наш диалог.

– Да забей ты, Хелена просто дразнит тебя. – Так вот как зовут принцессу. – Она тоже из Америки – откуда-то из Калифорнии, вроде Ньюпорт-Бич. – Сильный корейский акцент искажает слова, потому слово «Бич» звучит как ругательство.

– Кстати, меня зовут Бинна, – добавляет она.

– А меня Джинджу! – говорит девочка с хвостиками, прямо как у персонажа аниме. Она распевалась, и я уже успела заметить: у нее прекрасный голос.

Даже не знаю, как выразить радость, что Бинна и Джинджу столь вежливы со мной. Лишь кланяюсь уже раз так двадцатый с тех пор, как вошла в комнату.

– Я не очень-то говорю на английском, но многое понимаю, – говорит Бинна.

– Мои родители общались со мной на корейском, поэтому я тебя понимаю. Но мои знания далеки от идеала, потому что отвечала я им на английском, – объясняю я.

Бинна кивает. По корейским стандартам, она достаточно красива – ее кожа не белоснежна, да и челюсть немного квадратная, – но в целом она производит самое яркое впечатление из всех троих. У нее особая аура, и мне сразу становится легче.

– Нам сказали не говорить с тобой по-английски. Хелена из тех, кто следует правилам – если они ее устраивают.

В ту же секунду из ванной выходит еще одна девочка, ее лицо блестит после умывания. Это, должно быть, Арам.

– Так где девчонка с Запада?

Их с Бинной взгляды пересекаются, и она замечает меня. Я тут же кланяюсь, а после поднимаю глаза. Шок.

Никого красивее и представить невозможно! Двумя секундами ранее я говорила то же самое о Хелене, но Арам будто из другой вселенной. Если Хелена – главная красотка школы, то Арам – сказочная королева, азиатская соперница Малефисенты. Острые скулы, бледная кожа, голубые линзы – ее возраст невозможно угадать.

– Арам, это Кэндис Пак, – Бинна сделала все за меня.

Оценивающий взгляд Арам, прямо как у сибирского хаски, пробегается по мне с ног до головы. Она фыркает, будто удостоверившись, что ей не о чем переживать, и отворачивается,

взмахнув иссиня черными волосами. Внезапно мне хочется свернуться калачиком и позвонить маме с просьбой забрать меня.

Бинна лишь вздыхает.

– Не обращай внимание, Кэндис. Трейни, вместо которой ты приехала, за два года успела стать для нас сестрой. Вчера ее выгнали из компании, мы все шокированы. Нам понадобится время, чтобы привыкнуть.

– Вчера?! – переспрашиваю я удивленно. Менеджер Кон о многом умолчала. – В чем причина?

– Без понятия, – отвечает Бинна, ерзая на месте. – Ынджон была отличной танцовщицей, хорошо пела...

– Прекрасно пела! – добавляет Джинджу.

– Она была очень трудолюбивой, – продолжает Бинна. – Все были уверены, что ей суждено дебютировать. Но месяц назад она изменилась, потеряла весь задор. Все заметили – дела идут неладно. Но никто и подумать не мог, что ее просто выкинут. Это жестоко.

Ровно месяц назад SAY объявила о прослушивании в Нью-Джерси. Почему же менеджер Кон решила, что я в чем-то превосхожу этих девушек?

Наконец Бинна встает и решительно убирает вещи Хелены с моей кровати.

– Хей! – недовольно отзывается та.

Я так благодарна, что готова расплакаться.

Глава 2

Большая проблема

Не успела я прикрыть глаза, как оказалась разбужена в четыре утра.

– Вставай, – говорит Бинна. – Мы уже должны быть в тренажерном зале!

– Серьезно? – я часто моргаю, пытаюсь привыкнуть к свету флюоресцентных ламп. Не то чтобы я устала – сегодняшний день также принесет сплошной стресс и адреналин, – но выбираться из кровати ради упражнений не входило в мои планы.

Тащусь вслед за Бинной на сотый этаж прямиком в спортзал, уже набитый пятьюдесятью девочками. Они растягиваются, делают выпады, скачут на беговой дорожке. Из колонок доносится песня SLK «Fire-Eyed Girl». Эти девчонки не дают себе послаблений. Некоторые, включая меня, ходят на героев «Ходячих мертвецов», но другие, как Арам, выглядят так, словно спали одиннадцать часов в ванной с кокосовым молоком и лепестками роз.

Посреди зала парень в оранжевой майке отжимается от скамьи – каждое упражнение сопровождается громкими стонами. Звучит так, будто ему ампутировали ногу в период гражданской войны.

– Бинна, – с тревогой обращаюсь я, – как сюда проник парень-трейни?

Бинна непонимающе оглядывается по сторонам, а затем смеется, поняв, о ком я говорю.

– Это вовсе не трейни. Это Джихун-оппа, один из менеджеров. Он ассистент менеджера Кон и менеджера Шин. – После она добавляет шепотом: – Избегай его, он жутко странный.

– И что он забыл в женском крыле?

Бинна пожимает плечами.

– Не в курсе. Наверное, у него есть какие-то связи.

Джихун кажется нашим ровесником. «Оппа» – это мужской аналог «онни». Так девушки обращаются к старшим братьям или другим парням, старше их самих. Но у этого слова есть и другое значение – что-то вроде «красавчик», так девушки флиртуют с противоположным полом. Глядя на Джихуна, становится ясно: он явно получает удовольствие, когда пятьдесят красивых девчонок зовут его оппой. Надеюсь, мне не придется иметь с ним дело.

Бинна заставляет меня заниматься: я опускаюсь в планку и ползу по полу.

– Так ты станешь более выносливой и гибкой, – поясняет она.

Закончив отжимания, Джихун принимается расхаживать по залу, выпятив грудь и «помогая» выполнять упражнения. Он чрезмерно близко прижимается к Хелене, пока та приседает.

Позднее, когда мы с Бинной переходим к растяжке, Джихун добирается и до нас.

– Так ты и есть новенькая?

Даже не могу заставить себя ответить приветствием – чем-то он отталкивает. Джихун продолжает кружить вокруг нас, дыша через рот. Я буквально чувствую чужой взгляд на себе.

– Лишнего веса нет, но ты явно не в форме, – заключает он.

Да что он себе позволяет?! Мои руки машинально сжимаются в кулаки. Бинна наклоняется к ногам, сохраняя молчание.

Конечно, мне хочется ответить Джихуну в духе «Что ж, а ты сложен, как пожарный гидрант – это сейчас считается идеалом среди парней?», но моя К-рор-карьера еще не успела начаться, так что я встаю и начинаю приседать, повинуюсь Джихуну.

Какой бы потной я ни была, после тренировки мне приходится ждать, пока остальные девочки примут душ. Ведь я макнэ, самая младшая. Арам провела в ванной добрые двадцать минут, выполнив свои бьюти-ритуалы. Покидая комнату и выглядя как модель, она сообщает:

– Как самая младшая, ты обязана почистить сток!

Мне хочется дать отпор, но я лишь послушно кланяюсь.

Наша ванная комната просто крошечных размеров, а душ лишен двери и даже занавески. Водными брызгами покрыто все: стены, раковина, унитаз, даже туалетная бумага. Внутри душно, словно во Флориде. Сток находится прямо посреди комнаты, и он забит клоком разноцветных волос – темных и розовых. Зажав нос и задержав дыхание, я достаю клочок волос длиной в пару десятков сантиметров и бросаю его в унитаз. Через пять смываний от него не остается и следа. Уже после уборки я чищу зубы, быстренько умываюсь и бегу на завтрак.

Кафетерий также расположен на сотом этаже, последнем в штаб-квартире ShinBi. Посреди он разделен стеклянной стеной – как ломтик тофу, – так что мальчики и девочки видят друг друга. Иногда трейни здороваются через «гендерное стекло», но в большинстве своем ребята, уставшие и находящиеся под строгим надзором менеджеров в оранжевых майках, не обращают друг на друга внимание.

На завтрак подаются сладкий картофель и вареные яйца – что-то призрачно напоминающее мой любимый завтрак с сосиской, яйцами и сырным сэндвичем. Хотя менеджеры и следят за нами, словно хищные птицы, мы можем положить любую порцию. Я беру одну картофелину и два яйца. Джихун внимательно контролирует процесс, стоя сбоку от очереди.

Я замечаю Джинджу и Бинну, машущих мне. Они сидят за столом с двумя еще не знакомыми мне девочками. Мельком оцениваю их порции: на тарелке Джинджу лежит лишь половина картофелины, порция Бинны идентична моей.

Девочки представляют мне своих подруг. Боухи из первой группы. Она такая же коротышка, как и я, а своей зубастой улыбкой напоминает томбоя, несмотря на наличие длинных волос сиреневого цвета.

– Привет! Ты же из Америки? В каком году ты родилась?

Папа рассказывал, что такой вопрос является распространенным в корейском обществе. Узнав год рождения собеседника, корейцы понимают, как следует к нему обращаться – формально или нет. Я отвечаю, что родилась в 2003-м.

– А, так ты макнэ за этим столом! – говорит Боухи и смеется. Для человека столь маленького роста ее голос необычайно звонкий. Она похожа на ту, которая пинает мальчишек на школьной площадке.

Другая девочка не промолвила ни слова. Ее волосы подстрижены под горшочек, а на глазах очки в толстой оправе – чем-то она напоминает черепашку. Она даже отдаленно не напоминает айдола, потому и нравится мне с первой же секунды.

– Это Рала! – говорит Боухи. – Она из шестой группы и никогда не разговаривает!

Через стекло я наблюдаю за мальчиками. Их крыло кафетерия ничем не отличается от нашего, разве что меню куда лучше: им предложены каша, омлет и сосиска. Взглядом я подмечаю невероятно милого мальчика, ростом выше, чем остальные. Не все здесь выглядят как айдолы, но его это явно не касается. Может, мне и показалось, но парень улыбнулся мне в ответ.

Я быстро опускаю взгляд на картофель и вспоминаю о скандале с Исыль и Хэнтэком – их карьеры чуть не оказались разрушены, а они всего-то взяли за руки.

Я спрашиваю Бинну, зачем вообще устанавливать стекло и дразнить нас? Она пожимает плечами и выдвигает предположение.

– Наверное, руководство понадеялось, что мы станем есть меньше под взглядами мальчиков.

Я замечаю Арам и Хелену за столом с другими не менее красивыми девочками.

– А это местные «Баунти»? Прямо как в «Дрянных девчонках»?

Девочки за столом узнают отсылку и залиvisto смеются.

– Мы называем их группу «Столом вижуалов»! – хихикая, поясняет Джинджу.

Сперва я не понимаю, о чем идет речь, но потом вспоминаю слова Имани. Каждому мем-беру К-рор-группы отведена собственная роль. Вижуал – тот, кого компания признает самым красивым в коллективе.

Оглядевшись вокруг, я понимаю, что моя компания меньше всего похожа на айдолов – мы тут изгой. На секунду я задумываюсь, не следует ли подружиться с теми, у кого больше шансов дебютировать, но тут же отмахиваюсь от подобных мыслей. Мое место за этим столом.

Девушка-менеджер приносит мое расписание, и я не могу сдержать эмоций.

Расписание Кэндис (2-я группа) на вторник:

4:00—5:00 – Тренировка в спортзале / душ

5:00—5:30 – Полезный завтрак

5:30–11:30 – Занятия по корейскому языку

11:30–12:30 – Полезный обед / прогулка на свежем воздухе

12:30–19:30 – Совместная практика группы 2

19:30–20:30 – Полезный ужин / прогулка на свежем воздухе

20:30–00:00 – Совместная практика группы 2 / индивидуальная практика

Расписание меняется изо дня в день. Иногда появляются занятия, посвященные манерам и поведению, по субботам у нас пятичасовые уроки танцев с мисс Юн. В основном повторяются шестичасовые занятия корейским языком вкупе с девятичасовой практикой и бесчеловечно низкой продолжительностью сна изо дня в день. Исключение – воскресенье, наш единственный выходной.

Как я переживу эту неделю, не говоря уже о трех месяцах? Обычно я становлюсь очень раздражительной, если сплю меньше восьми часов, да и менеджер Кон, наверное, забыла, что из меня отвратительный танцор. Каждый раз мыслями возвращаюсь к сумме, которую мои родители должны будут возместить, об их жертвах, восторге друзей...

Боухи по-дружески хлопает меня по плечу.

– Первые несколько недель – самые сложные! Со временем ты привыкнешь.

– Ага, – подтверждает Джинджу. – Первый месяц я столько раз впадала в истерику, а сейчас посмотри-ка на меня! – Ее речь неразборчива, потому как рот занят одним из цветных хвостов. Половина сладкого картофеля осталась на тарелке нетронутой.

Для уроков по корейскому всех иностранных трейни ведут в ярко освещенный кабинет с белыми стенами без каких-либо окон. Менеджеры сопровождают мальчиков и девочек по отдельности. Аудитория в прямом смысле разделена на две части с помощью скотча. В части, отмеченной голубой лентой, сидят мальчики. Девочки же сидят там, где наклеен розовый скотч.

Я должна сесть за первую парту. Сбоку от меня, прямо через границу, сидит мальчик, вынужденный повернуться боком – слишком уж длинные у него ноги. Тот самый красавчик из кафетерия. Он здоровается со мной, а я молниеносно отворачиваюсь, вспомнив наставления менеджера Кон: дружба с мальчиками разрушит мою карьеру, уничтожит всю компанию и вызовет апокалипсис.

Преподаватель Ли приветливо здоровается с нами и выглядит уж очень оживленной для 5:30 утра. Мы вскакиваем на ноги, приветствуя ее в ответ.

– Доброе утро, учитель Ли!

На вид она немногим старше некоторых трейни. В конце концов, нам позволяют сесть.

Учительница похожа скорее на воспитательницу детского сада. Из-за детского личика создается ощущение, будто свое клетчатое платьице с воротником, как у Питера Пэна, и туфельки Мэри-Джейн с гольфами по колено она украла у куклы в человеческий рост.

Вдруг она замечает меня.

– Ох, у нас новенькая. Кэндис Пак, верно?

Я киваю, упершись взглядом в парту. Никогда прежде так не переживала.

– Рады приветствовать, Кэндис-щи. Почему бы тебе не рассказать о себе, о доме, навыках и... любимой еде!

Я поднимаюсь и оглядываю остальных девочек. Они сидят за партами в два ряда. Всего в кабинете четыре мальчика и пять девочек, включая меня... и Хелену. Она бросает на меня недовольный взгляд, сидя на заднем ряду.

Сердце ускоряет ход. Сейчас все будут смеяться из-за моего произношения. Впервые в жизни я жалею, что родители так и не заставили меня посещать воскресную школу.

Я начинаю с поклона.

– Здравствуйте! Меня зовут Кэндис, я родилась в 2003 году в Нью-Джерси. Я... я еще не уверена, какими именно навыками обладаю. Еще и суток не прошло, как я стала трейни. – В ответ раздается хихиканье. – Но я люблю петь и играть на гитаре. И что там было последнее? Еда? Я люблю чокбаль.

Последняя фраза также вызывает смех. Длинноногий парень аплодирует моему ответу.

– Американка, что любит свиные ножки. Я влюблен!

Весь класс смеется. Покрасневшая, я возвращаюсь на свое место, а мисс Ли говорит:

– Ну ничего себе, Кэндис! Твой корейский не так уж и плох. Тебе лишь надо быть чуточку увереннее!

Я поднимаю глаза и улыбаюсь ей. И почему менеджер Кон так пугала меня?

Остальные ученики тоже представляются. Среди девочек были Шихон, томбой из Шанхая с модной стрижкой пикси; Лючиана, бразильянка корейского происхождения с невероятно густыми блестящими волосами, что скорее напоминают парик; а еще девочка с Филиппин и девочка из Торонто. И, конечно же, моя одноклассница Хелена 2001 года рождения, родом из Ньюпорт-Бич. Если верить ее собственным словам, то Хелена прекрасно танцует, поет, читает рэп, а еще она «божественно красива и очень харизматична». Любимая еда – манго.

Когда наступает черед мальчиков, я не отрываю взгляда от парты. Наконец наступает очередь того самого длинноногого красавчика. Оказывается, его имя Ёнбэ. Он мой одноклассник, тоже родился в 2003-м. Жил в Атланте, а тренируется вот уже два месяца.

Затем начался урок, совсем не похожий на школьные занятия. Все касалось мира К-роп и наших будущих карьер. Учительница Ли спросила:

– Хелена, что ты ответишь журналисту на вопрос о твоей школе?

На идеальном корейском девушка ответила, что посещала частную среднюю и старшую школы прямо на берегу океана. Затем учительница Ли обратилась к Ёнбэ:

– Если фанаты спросят тебя о первой работе, что ты скажешь?

– Для начала, дорогие фанаты, спасибо за вашу искреннюю поддержку! Я никого не люблю больше, чем вас. Ранее я работал в кинотеатре. Лучшее, что дала эта работа, – возможность бесплатно сходить на «Форсаж 8» шестнадцать раз за лето!

До рассказа Ёнбэ я не знала, как на корейском будет кинотеатр. Так же как и у меня, у него сильный американский акцент. Почему-то, вместе с новыми словами, я пишу «Ёнбэ – Форсаж» и подчеркиваю написанное.

– Кэндис, представь, что я ведущая развлекательного ток-шоу и спрашиваю тебя, кем работают твои родители, – говорит преподаватель Ли. – Что ты ответишь?

Я замираю и старательно пытаюсь вспомнить, как сказать «продуктовый магазин» – мама с папой произносили нужное слово сотню раз, но оно все никак не приходило на ум.

– Они занимаются торговлей, – говорю я, словно малолетка. – Они также продают баббл-ти.

– Круто! – отзывается Ёнбэ. – Я обожаю баббл-ти!

Шесть часов пролетели незаметно. Каждые пятнадцать минут в дверной проем заглядывал кто-то из менеджеров и других сотрудников SAY, что заставляло нас выпрямить спину, а учительницу вести себя строже. Пять тетрадных листов были заполнены новыми словами и выражениями. Через пару часов Хелена и несколько других ребят, чей уровень корейского несколько выше, ушли на другие занятия. К концу урока нас осталось двое: я и Ёнбэ.

Последние пятнадцать минут мы с ним просто болтаем – учительница Ли решила, что у нас много общего, раз мы оба родом из Америки. Мы неуверенно усталились на нее – мальчикам и девочкам запрещено так активно взаимодействовать друг с другом. Но женщина лишь жестом показывает, что следит за дверью.

С этого момента мисс Ли становится моим любимым сотрудником SAY Entertainment.

Впервые мне удастся разглядеть Ёнбэ. Даже под светом флюоресцентных ламп его лицо по-прежнему красиво. Пухлые губы по форме напоминают сердечко, а волосы на висках были сбриты совсем недавно. Он одет в белую рубашку, небрежно заправленную в рваные джинсы. Иными словами: Ёнбэ молод и горяч. И он явно не из стеснительных.

– Так, Кэндис-щи... какой псевдоним ты хотела бы взять?

Я пожимаю плечами.

– Без понятия. Не думаю, что в К-роп есть еще одна Кэндис.

– Круто! В компании есть несколько моих тезок, так что мне, скорее всего, придется взять другое имя.

– Ты можешь использовать американское, если оно у тебя есть.

– К сожалению, это невозможно.

– Почему же? – спрашиваю я.

Ёнбэ загадочно улыбается, а его глаза сужаются и становятся похожи на полумесяцы.

– Оно ужасное. Настолько ужасное, что даже в Америке я представлялся Ёнбэ!

– Теперь ты обязан назвать его.

– Пообещай, что не будешь смеяться?

– Обещаю.

– О'кей, – он берет паузу. – Альберт.

Я взрываюсь хохотом.

– Ты же обещала!

– Прости! Но Альберт совсем не подходит для айдола!

– Да, не повезло. Что заставляет родителей-корейцев награждать своих детей устаревшими именами, а?

– Не знаю, но что-то в этом есть. Когда я родилась, родители думали назвать меня Кэндис, Эстелль или Ёнис.

Ёнбэ неловко смеется в кулак.

– Ёнис? Ни разу подобного не слышал!

На секунду я забываю, что нахожусь в тренировочном корпусе. Оказывается, у нас с Ёнбэ много общего: мы оба играем на гитаре, любим чокбаль, посещаем корейскую церковь. Оказы-

вається, скауты SAY случайно натолкнулись на видео Ёнбэ, в котором он читает рэп про Иисуса во время выступления его группы на службе.

Вскоре раздаётся звонок, извещающий об окончании занятия. Учительница Ли дружелюбно машет мне.

– Пока-пока, Кэндис! Хорошо поработала!

Ёнбэ складывает учебники в рюкзак.

– Был рад познакомиться, Кэндис, – говорит он.

Заметив нас за беседой, учительница Ли неожиданно взрывается.

– Вы двое! Никаких разговоров!

Меня чуть не хватил сердечный приступ! Заметочка: учительница Ли страдает от раздвоения личности.

Позже я замечаю, что у выхода стоит менеджер Ёнбэ. За мной пришла менеджер Кон, чтобы сопроводить на следующее занятие. Когда оборачиваюсь, учительница Ли улыбается, будто извиняясь.

Менеджер Кон посещает нашу групповую практику. Мы сидим на полу, скрестив ноги, пока она пишет имя каждой на доске. Затем огромными латинскими буквами она пишет слово PROBLEM. На секунду мне кажется, что речь пойдет обо мне – большой проблеме группы.

– Девочки, я решила, что на грядущем прослушивании в понедельник вы исполните эту песню, – объясняет менеджер Кон. – «Problem» Арианы Гранде и Игги Азалии.

Раздается восторженный вскрик.

– Круто! – радуется Бинна.

Арам, наоборот, кажется ошарашенной.

– Опять песня на английском? Но мы уже пели «Worth It» в прошлом месяце!

– Ну, раз уж у вас новая коллега из Америки, я подумала, ей будет удобнее исполнить песню на родном языке. Чтобы не покидать зону комфорта, – отвечает менеджер.

Арам бросает на меня злой взгляд. Я кланяюсь, извиняюсь, но должна признаться, что рада услышанному. Когда речь идет о первом просмотре, ставки высоки. Не хочу, чтобы меня судили за плохое произношение. «Одной проблемой меньше», – как сказал бы Ёнбэ.

– Эту песню сложно исполнить, она очень энергична и полна высоких нот. Танец также будет выматывающим, – предупреждает менеджер Кон.

Ох, черт. А я ведь и забыла, что придется петь и танцевать *одновременно*, хотя в этом и заключается особенность работы К-роп-айдролом.

– Так вот, – продолжает менеджер, – кто хочет стоять в центре?

В воздух мгновенно взметнулись четыре руки. Свободной рукой девочкам принято прикрывать свои подмышки, будто у кофты нет рукавов или они испачканы пятнами пота.

– Кэндис, ты не заинтересована?

Я отрицательно мотаю головой. Центр – это самая завидная позиция. В центре может стоять не только главный вокалист или главный танцор, но и тот, кто лучше всего передает настроение выбранной композиции. В телевизионных трансляциях выступления групп начинаются и заканчиваются крупным планом лица центрального участника.

– Ну и дела, – комментирует женщина. – Все мечтают оказаться в центре, – настаивает мисс Кон.

Я опускаю глаза и вновь мотаю головой. Мне все еще надо привыкнуть к происходящему. Плюс, я не уверена, что смогу вытянуть исполнение какой-либо песни.

– Расслабься, Бинна, ты была центральной с «Worth It», дай другим шанс. Арам, ты жаловалась на английский язык, опусти руку. Хелена и Джинджу, спойте по строчке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.